

61
ЛЕВ ЗИЛОВ

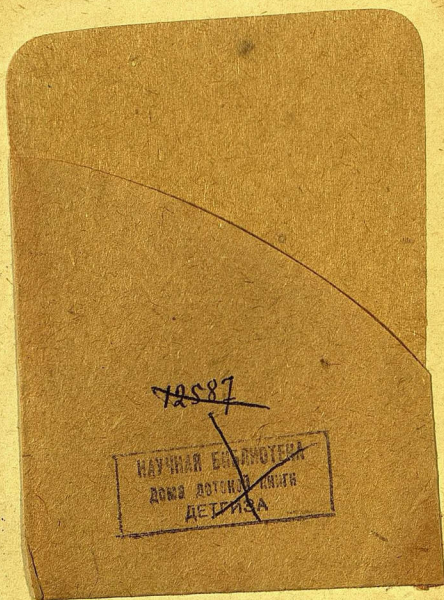
ЧЕТВЕРО ИЗ ГУСИНОГО ГНЕЗДА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1929

Проект 1969

72587

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОСТОЙНЫХ ДЕТЕЙ
ДЕТСКАЯ

6/ Л. ЗИЛОВ и М. ПАВЛОВА

3-6192

ЧЕТВЕРО

ИЗ

ГУСИНОГО ГНЕЗДА

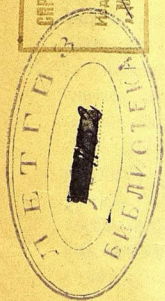
Повесть для детей старшего возраста

Рисунки худ. В. Милашёвского

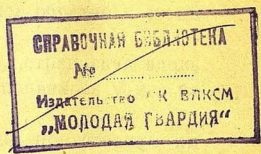

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1929

к

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

Типография Изд-ва „Молодая
Гвардия“, Ленинград. В. О.,
5 лин., 28. Зак. Изд-ва № 3111.
Ред. план № 1049. Главлит
№ А-38344. Печ. листов 4.
Тираж 5.000 экз.

~~12587~~ 1867-88 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

685237 кх-редк

Российская государственная
детская библиотека

ГЕКТОР ИЗ ГУСИНОГО ГНЕЗДА

В компании Гудзонова залива работали сотни индейцев. Летом они разносили товар, а зимой на собаках развозили письма и посылки.

С наступлением весны, когда снег и лед исчезали, кончалась и собачья работа. Летом на собаках ездить нельзя, и им давался полный отдых. Казалось — живи в свое удовольствие да поправляйся. Но не тут-то было. Летом индейцам кормить собак нечем. Более предприимчивые и сильные собаки, видя, что от хозяев ничего не добьешься, собирались партиями и уходили в глубь страны. Там, в речонках, в мелких болотистых местах, они ловили лягушек, а кое-где и рыбу. Осенью, когда берега рек и озер начинали затягиваться льдом, собаки возвращались обратно к своим хозяевам.

Мать Гектора уходила за другими, странствуя вдоль рек и озер. Там, на озерах в камышах, появилось у нее на свет шестеро щенят.

Между свалившимися деревьями она приготовила им логово из палого сухого листа. Неподалеку, у бобров нашелся запас сена; она и его натаскала сюда же.

В логове было сухо и мягко, но однажды разразилась сильная буря, и ливень залил ее убежище. Собака не растерялась. Она по очереди перетаскала щенят за шиворот на выдававшееся над водой толстые сучья. Щенята цеплялись как могли за мокрую кору и, испуганные, продрогшие, отчаянно визжали. Что было делать матери? Она вспомнила, что недалеко видела как-то покинутое гусями гнездо, разыскала его и, переплывая большие лужи, перетаскала туда под дождем щенят.

В гнезде было почти сухо. Мать Гектора, отряхнув с себя воду, улеглась около щенят, покормила и согрела их.

Когда реки вошли опять в берега, в лужах осталось много рыбы, и собакам была хорошая пожива. У матери молока стало вдоволь, и щенята быстро выросли и потолстели.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ДВУНОГИМИ

Однажды утром щенята проснулись от сильного холода. В воздухе носились легкие снежные пушинки. Гектор с братьями и сестрами обрадовались и стали ловить их. А вокруг на земле и по траве насыпало этих пушинок столько, что все побелело.

За день потеплело, снег стаял, но на следующее утро его оказалось куда больше, чем накануне. Он повсюду лежал толстым и плотным слоем.

Старые опытные собаки не удивлялись: им это было не впервой. К полудню, когда опять потеплело, вся стая друг за другом двинулась прочь от озера. Они шли целый день и остановились только к ночи. С утра двинулись дальше. Шли-шли по мягкому снегу, и казалось — конца этому не будет.

Щенятам было еще труднее. Взрослые собаки знали, куда шли, а мелюзга плелась за ними только потому, что боялась отстать. Они еле ковыляли, с трудом поспевая за взрослыми. Лапы у них опухли и скользили по снегу. От усталости они шатались из стороны в сторону, но на них никто не обращал внимания. Всегда заботливая мать злобно пощипывала их, если они отставали.

По счастью для щенят погода стояла хорошая, и без особых бед они тащились кое-как от одного ночлега к другому. Хорошо было и то, что собакам приходилось останавливаться, чтобы наловить рыбы или дичи. Мать не раз возвращалась под вечер с охоты с зайчонком, которого и делила между всеми поровну.

Все вперед и вперед подвигалась стая. Щенята уже совсем выбивались из сил, как вдруг они вышли из леса и увидели какие-то странные огромные кучи — это были вигвамы индейцев. Щенят поразили странные двуногие звери. Одни из них были крупные, другие — средние, а то и совсем маленькие.

Щенята так испугались, что бросились было в лес, но мать погнала их вперед. Все взрослые собаки завиляли хвостами, приветливо залаяли и смело пошли к вигвамам, не боясь этих страшных великанов.

Мать щенят вдруг радостно взвизгнула и бросилась к одному двуногому, а он стал трепать ее по шее. Щенята с испуга не выдержали, поджали хвосты и снова бросились назад в лес,—откуда только силы взялись. Они бежали без оглядки, не помня себя, все дальше и дальше, только бы не видеть двуногих.

В темноте леса они сбились в кучу и начали пищать. Они звали мать, но она к ним не шла. Только когда уж рассвело, они услышали голос матери. Обрадованные, бросились на ее зов, но рядом с матерью стоял один из двуногих. От страха они опять хотели бежать, но мать стала звать их к себе так весело и уверенно, что они решили приблизиться.

Опасливо сделали несколько шагов вперед и снова остановились. Сели на снег и стали визжать. Но мать не подходила.

Она чувствовала себя превосходно, ей не было до них никакого дела. Она подобострастно смотрела на двуногое животное и виляла хвостом. Дрожа от холода и страха, собачонки стали медленно подвигаться и вдруг заметили на шее у матери ремень, длинный конец которого держал двуногий. Удивительнее всего было то, что мать не старалась вырваться. Ей только хотелось, чтобы щенята подошли поближе.

Преодолевая свой ужас, оглядываясь на страшилище, они наконец подползли к ней; тогда она радостно облизала их и принялась кормить. Но в это время двуногое существо подеснуло под живот одному из щенят свою переднюю лапу и хотело приподнять его. В невыразимом ужасе щенок извернулся и вонзил острые, как иголки, зубы в голую, пропахшую рыбой и дымом лапу чудовища.

Тот взбесился от боли и так сильно швырнул щенка на землю, что чуть дух из него не вышиб.

Мать не кинулась на мучителя, она только вырвалась и побежала с щенятами в лес. Кое-как, зарывшись в ворох листьев, они переночевали там, но на утро мороз стал еще сильнее, и мать снова потащилась с ними обратно к вигвамам и помирилась с двуногим пугалом.

Щенят окружили маленькие двуногие, которых звали мальчиками. Они набросили на них ремни с петлей (лассо) и потащили их в дом. Щенки старались вырваться, кусались, но ничто не помогало: мальчики были сильнее их. В доме их хорошо накормили и отвели им теплое место для спанья. Щенки вели себя неоправданно. Им отвечивали по затрещине и выкидывали за дверь. Озябнув, они начинали скулить и царапаться, и их впускали снова, приказывали лечь на место, грозили пальцем и что-то приговаривали.

Взять себя на руки щенята не давали и кусались, но мальчикам дали кожаные перчатки, которых не прокусишь. И понемногу щенята стали привыкать к своим хозяевам и старались во всем подражать другим щенкам, которые выросли в деревне среди людей и не боялись их.

ШКОЛА ЖИЗНИ

Через некоторое время мать щенят стала часто и надолго пропадать, а когда возвращалась домой, то бывала так утомлена, что и вылизать их у нее нехватало сил.

Проходили месяцы, щенята превратились в молодых собак, много играли с мальчиками в вигваме и на улице. По утрам, когда мальчики отправлялись в школу, щенята по обыкновению увязывались с ними, но их отгоняли и отсылали назад.

Когда однажды вместе с другими собаками они попытались проникнуть в школу, на них со страшным лаем набросился огромный пес. Щенята поджали хвосты и бросились бежать без оглядки. От сильного бега у них кололо в боках, но они не смели остановиться и оглянуться, пока не добрались до своего вигвама.

Как-то вечером, играя с детьми, щенята услышали веселое побрякивание бубенчиков. Мальчики бросились к лесу, и щенята помчались за ними. Вскоре им навстречу выбежал из-за кустов большой обоз саней. Как быстро они мчались!.. В каждые сани были запряжены гуськом четыре собаки. Среди них была и мать щенят. Она узнала их, весело залаяла, но промчалась мимо, не имея возможности остановиться. В поселке собак быстро распрягли и накормили. Некоторые из них хромали и оставляли на снегу кровавые следы. Но и те сначала наелись, а уж потом принялисьлизывать раны.

Вскоре хозяин вигвама, отец мальчиков, обратил внимание на щенят и стал уверять своих домашних, что это уже настоящие собаки и скоро можно будет пустить их в работу. Он стал выдавать щенятам порцию хорошей рыбы, а когда ему случалось счастливо поохотиться, им перепадала и дичь. Щенята росли и постепенно обучались житейским правилам.

Так, например, бывало, что после сытного ужина они съедали хозяйские мокассыны, спитые из сухой прокопченной кожи. Мокассыны эти и вполовину не были так вкусны, как рыба. Грызли их щенята из озорства и для того, чтобы лишний раз поточить зубы. Ну и попадало же им за это!..

Раз хозяин вернулся с охоты и привез полные сани оленьего мяса. Придя в вигвам, он снял свою кожаную куртку и повесил ее сушиться.

Щенята по опыту знали, что после удачной охоты им обязательно дадут дичины, и пришли в радостное возбуждение. Шала и резвясь, они напали на хозяйскую куртку, стащили ее на пол и принялись уничтожать старую, противную, прокопченную кожу. Тут их и поймали на месте преступления.

Вот поднялась история!

Хозяин был так взбешен, что отодрал щенят хлыстом до крови и вышвырнул вон на мороз. Всю ночь они визжали и надрывались от лая.

БУДУЩЕЕ ОРУДИЕ ПЫТКИ

Собак обыкновенно приучают к езде, когда им минет одиннадцать месяцев. Ждут только санного пути. Зима на этот раз была хорошая, было много рыбы и дичи, так что собаки не голодали. Щенята играли, ели и шалили, а время шло да шло...

Пришел как-то раз в вигвам старый индеец и сел на пол на оленью кожу, на которой лениво валялись щенята, поглядывая на огонь. Он вынул изо рта трубочку и сказал:

— Славные щенята. Им, кажется, скоро год.

Хозяин стал считать по пальцам, называя месяцы в обратном порядке.

— Нет, — ответил он, — по-моему, им около десяти месяцев. Еще один месяц погуляют, окрепнут, тогда мы их и объездим.

Они оба поласкали щенят, пощупали их шеи, мускулы ног, заглянули в рот и остались ими довольны.

— Редкие собаки будут, — сказал хозяин и потрепал одного из них по груди.

На следующий день в вигвам вошел другой старик-индеец, которого звали Мемотас. Голос у него был такой тихий, мягкий и кроткий, что молодые псы сразу почувствовали к нему доверие.

Мемтас был собачьим шорником. Щенята воображали, что он играет с ними, когда он мерил их шеи для хомутов и туловища для шлей. Ему заказали сбрую из лосиной шкуры.

Он присел у огня и стал хвастать, что не было ни одной собаки, которая смогла бы порвать ремни его упряжи. Его сбрую сделана так хитро, что выскользнуть из нее невозможно.

Уходя из вигвама, он ласково погладил щенят, объявив, что они стали великолепными собаками.

Через несколько дней он принес точь-в-точь такую же сбрую, какую надевали на больших собак: только колокольчиков на ней не было.

Он бросил ее в угол и закрыл тряпкой. Щенята весело прыгали около него, а он шутиливо балагурил с ними

и вдруг, как бы случайно, взял из кучи сбрую и стал играть с одним из щенят, давая ему ловить ремни, которые сейчас же отдергивал. Когда же щенок увлекся игрой, он быстро накиннул ему хомут на шею и сбрую на спину.

Убедившись, что сбруя пригнана хорошо, он так же проворно и ловко снял ее. Щенята решили, что это тоже игра. Они лезли к нему наперебой, и он примерял на каждого их будущее орудие пытки.

Несколько дней спустя хозяин привез связку маленьких колокольчиков, прикрепил их к ошейникам (хомутам) и к сбруе и сказал находившимся в вигваме товарищам:

— Через несколько дней начнем их обламывать.

В РАБОТУ

И действительно, как-то утром явились двое дюжих индейцев. Грубо схватив щенят, они напялили на них через голову сбрую, крепко затянули их лосинными ремнями, запрягли гусем, поставив впереди опытную ездовую собаку, а вожжи привязали к тяжелым саням.

— Марш! Марш! — закричали они им.

Молодые собаки не двинулись с места, а только тряслись от страха и старались сбросить с себя крепко затянутые ремни.

Бедный старый вожак Араб пытался исполнять свои обязанности, но что он мог сделать один против четырех упрямых, напуганных молодых животных.

— Марш! Марш! — ревели погонщики. Араб надрывался в хомуте, а четыре упряма натянули мускулы передних ног, как железные прутья, крепко уперлись лапами в землю — и ни с места. Учителя выходили из себя, кричали на них до хрипоты, кричали и на Араба, хотя тот, высунув язык, тянул изо всех сил, так что глаза у него наливались кровью.

Наконец индейцы пустили в ход кожаные бичи со свинцом на концах. Бичи свистнули в воздухе, рассекали щенятам уши и оставили широкие вспухшие полосы на боках. Погонщики кричали во всю глотку:

— Вперед, марш, дрянные псы!

Но в жилах щенят текла кровь не только эскимосских собак, но и самых упрямых на свете — английских. Они не двинулись ни на шаг, а легли в снег, точно хотели сказать:

„Если вы так дурно с нами обращаетесь, то мы вас слушаться не намерены“.

Погонщики выходили из себя и не знали, что предпринять. Первый раз им приходилось иметь дело с собаками, на которых не действовали удары бича. Они принялись бить чем попало и по чему попало. От ужаса и боли собаки не решались встать на ноги и продолжали лежать в снегу.

Наконец вступился хозяин, и это было как-раз вовремя — иначе дело кончилось бы плохо.

Одна из собак не выдержала, бросилась на своего

мучителя и так сильно укусила его за ногу, что ему пришлось надолго бросить свое ремесло.

Хозяин подошел к щенятам, поднял их и снял с них сбрую. Хоть он и ругал их за упрямство, но был сердит и на погонщиков.

— Ну чего вы, дураки, добились? — говорил он собакам. — Все равно не миновать вам сани возить.

Оставшийся невредимым погонщик взял помощника и стал пробовать объезжать щенят поодиночке. Они запрягали их по очереди позади трех сильных ездовых собак, да еще одну такую же запрягали сзади, чтобы она не давала им пятиться. Несмотря на все это, щенята, точно по уговору, ложились в снег, и собаки волокли их по мерзлым кочкам и ямам. Так продолжалось довольно долго, но волей-неволей они наконец стали сдаваться.

Только один Гектор не уступил ни на волос. Его перестали кормить, но и это не помогало.

Тогда погонщики припрягли его к маленьким саням, позади четырех сильных собак, которые проволокли его за несколько миль в лес. Там, не сняв с него сбруи и не отвязав вожжей от санок, оставили его одного. Уходя, погонщики сказали:

— Ну, теперь этот упрямец должен притащить санки домой или он околеет с голоду.

Но щенок дождался, когда люди и собаки скрылись из виду, перегрыз лосинные вожжи и съел их.

Подкрепив таким образом свои силы, он выпутался из запряжки и преспокойно отправился домой.

БЛЕДНОЛИЦЫЙ

Когда он явился к вигваму и хозяин понял, как он освободился, то покатился со смеху.

— Ну-ну, перехитрил погонщиков... Молодец! Хороший пес из тебя получится, не в пример другим.

Насмевшись вдоволь, он принес ему две рыбы и внимательно наблюдал, как жадно тот их ел. В это время к ним подошел бледнолицый иностранец в большой теплой шубе. При нем были две огромных собаки. Незнакомец узнал у хозяина, в чем дело, и они оба смеялись, находя, что пес поступил умно. Белый человек осмотрел щенка и пришел в ужас, увидав, что уши его в ранах и вспухли, а бока в рубцах от бича.

— Сколько вы хотите за этого пса?—спросил он индейца.

— Тридцать шкур! — отвечал тот.

— По рукам! — согласился незнакомец. — Приведите его тотчас же в факторию и там получите деньги.

Он осторожно погладил щенка по голове и ласково сказал:

— Ну, Гектор, если мы пойдем друг друга, то твои мучения с сегодняшнего дня кончатся.

Обе его собаки, Джек и Кеффи, насторожили уши, подошли к Гектору и оглядели его с таким видом, точно и они были возмущены тем, как обрабатывали его погонщики.

В этот же вечер новый хозяин обмыл раны Гектора и смазал их чем-то жирным, успокоившим боль.

— Вот теперь мы в порядке, Гектор, и я могу представить тебя твоим новым товарищам,—сказал он.

Когда он привел его в псарню, некоторые из собак не были расположены дружить с незнакомцем и даже готовы были искушать его. Но его раны, ушибы и опухоли подействовали и на них. Они порычали, поскалили зубы и тем и ограничились. Даже пес Куна, всегда дурачившийся и любивший затевать драки, и тот не тронул Гектора.

Осмотрев его и обнюхав, он сел с ним рядом и завыл самым надрывающим сердце образом. Прочие псы, имевшие хоть каплю эскимосской крови, принялись ему вторить. Поднялся такой похоронный вой, что явился хозяин и приказал им прекратить свою музыку. Эскимосские собаки повить любят, но в фактории это было запрещено, и только Куна, придравшись к случаю, не устоял против искушения и подбил всех своих товарищей насладиться запрещенным удовольствием.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

У собак в фактории было прекрасное, удобное помещение. С соседнего заливного луга, где водились бобры, им навезли много хорошего сена. Все зарывались в него, не стесняясь; никто не страдал от непогоды и холода.

В фактории каждой собаке было определено свое особое дело. Бездельников не было, кроме подростков или стариков, которые жили на покое. Особенно сильные собаки возили дрова из дальних лесов для дома и школы.

Гектор пользовался пока что свободой и часто с другими молодыми товарищами сопровождал поезда, отправлявшиеся в лес.

Дорога тянулась на несколько миль и была прямая как стрела. Собаки, казалось, работали с искренним удовольствием.

Нагрузят дрова, укажут дорогу, скажут „марш!“ — и они самостоятельно, без погонщиков, мчатся домой. Там

сани разгрузят, повернут собак обратно, головами к лесу, и они несутся снова за поклажей.

Чтобы привезти сено, связывали трое саней в ряд. Собаки очень любили, когда их так запрягали. Они волновались, прыгали, нервничали более обыкновенного, как будто готовились к состязанию в быстроте бега.

Сено возили для коров, которых Гектору долгое время не удавалось увидеть. Скотник, индеец Кеннеди, не позволял собакам бродить около хлебов. Но однажды, когда Гектор особенно к нему ластился, он сказал:

— Ты хочешь посмотреть коровушек, любопытный песик? Ну, пойдем, я тебе их покажу. — И он приотворил дверь хлева, куда Гектор и заглянул боязливо.

Как-то раз, слоняясь без дела по двору, он решил еще раз взглянуть на коров. Дверь в хлев была открыта: смотри, сколько хочешь. Ничего дурного и не случилось бы, если бы Гектор ограничился изучением коров издали, не переступая порога. Но он захотел рассмотреть их поближе и, подойдя к ним вплотную, стал их обнюхивать. И это бы еще ничего, но он ткнул одну из коров своим холодным носом. Что случилось дальше, он не помнит, но он вылетел из хлева гораздо скорее, чем туда вошел. И долго у него болели голова и все тело. Этот урок оказался назидательнее всех наставлений скотника, и после этого он уже никогда не подходил к коровам слишком близко.

Кроме дров и сена, собаки возили еще рыбу — белорыбицу, которой их кормят на севере. Ранней зимой рыба ловится в сети тысячами. Ее замораживают и высоко подвешивают на стоячих жердях, так что ни волки, ни другие хищные звери достать ее не могут.

Место рыбной ловли было миль за двадцать от фактории, и собаки с погонщиками-индейцами возили оттуда домой тяжелые возы рыбы. Собаки не особенно страшились этих поездов, потому что путь лежал через замерзшие озера и реки. Дорога там была легче, не то что по кочкам в лесу.

Наконец все тяжелые работы были закончены. Предстояло далекое путешествие, в которое многие из собак отправлялись не первый раз.

ПРИНЯТ В КОМПАНИЮ

Обыкновенно в запряжке передних саней обоза ходили Джек и Кеффи, но кроме них надо было выбрать еще двух. И вот вожакom поезда был выбран Вояжер, угрюмый и необщительный пес, да еще вдобавок кривой на один глаз.

Вне запряжки он выглядел самым некрасивым из всех. У него были тонкие высокие ноги и длинное туловище. Шерсть — грязно-белого цвета с рыжеватыми пятнами. Он был единственной собакой, которую Гектор терпеть не мог. Держась в стороне, Вояжер своим единственным глазом, казалось, постоянно следит за всеми и остерегается, как бы не подошли к нему со стороны слепого глаза. Но вожакom он был несравненным, неумолимым, смелым и выдержанным. Его безошибочному чутью проводники доверялись безусловно.

В бешеную снежную бурю, когда вихрь рвал, кружил, ослеплял и доводил остальных собак почти до отчаяния, а мороз леденил мозг в костях, проводники знали, что только один старый, умный Вояжер сможет вывести всех на настоящую дорогу. И никогда еще этот удивительный пес не обманул надежд путников.

Другой собакой, выбранной в переднюю запряжку, был Цезарь.

Наконец наступил день отъезда. Было страшно холодно. До рассвета оставалось еще несколько часов, и на небе ярко сияли звезды. Поклажа была упакована в сани еще накануне. Все было предусмотрено и приготовлено.

Индейцы-работники стали запрягать собак, и хоть они были не кормлены, однако волновались, громко лаяли и прыгали в сбруе, как-будто им предстояло большое удовольствие.

Из дому вышли одетые в меха хозяин и проводник и сели в сани. Раздались слова команды:

— Марш! Марш!

Собаки рванулись вперед, тяжелые сани с визгом двинулись по твердому снегу и одни за другими стали скрываться из виду.

Вояжер совершенно преобразился: голова его приподнята, единственный глаз мечет искры от возбуждения. Не

очень-то красивый хвост победно вытянут и передает его волнение.

Скучно стало Гектору после отъезда шестнадцати собак, между которыми были у него и друзья. Уныло окопачивался он около дома, пока Кеннеди носил дрова и воду. Проходя последний раз мимо Гектора с полными ведрами, он остановился и сказал:

— Ну, песик, не хочешь ли ты познакомиться с нашими детьми! Они видели, как ты тут шатаешься по двору, и пристают к матери, чтобы тебя к ним привели. Только сумеешь ли ты вести себя прилично?

Гектор, хоть и не понял слов Кеннеди, но догадался, что тот предлагает ему что-то приятное. Он закружился на месте и весело залаял.

Кеннеди повел Гектора в дом. Там, перед огнем, он поставил его в большое корыто с теплой водой и старательно вымыл с мылом. Потом окатил его несколько раз из ведра и долго вытирал с головы до ног, подвигая все ближе к огню.

После этого он принес большую буйволлову шкуру, и разостлав ее на пол перед огнем, велел Гектору лечь на нее и спать до утра.

На следующее утро Кеннеди долго мучил собаку, расчесывая ее густую шерсть. Не успел он кончить, как раздался крикливый голос старой няньки-индианки.

— Веди-ка сюда собаку. Да чисто ли ты ее вымыл?

— Не беспокойся,—ответил Кеннеди,—чист, как поросяенок.

Нянька осмотрела Гектора сама, хотела еще что-то спросить, но в это время дверь распахнулась, и в кухню вбежали двое детей.

Они бросились обнимать Гектора, прижимаясь к его пушистой шубе.

— Какая хорошая собака! Она наверно полюбит нас, и мы будем ее любить и играть с ней, как с Джеком и Кеффи.

После того как Гектора привели в дом, началась снежная буря и не прекращалась несколько дней под ряд.

Детям приходилось играть в кухне. Она была большая. В глубине стояла огромная железная печь, и в ней почти

все время с треском и ревом горели дрова, от которых было так тепло кругом.

Старая нянька Мария все время следила за собакой, боясь, чтобы та не выкинула чего-нибудь невозвратного.

Дети добыли несколько подпруг и попон, закутали Гектора и стали бегать с ним по комнатам.

Сперва Гектор одурел от испуга, сделал деревянные ноги и не хотел трогаться с места. Но дети смеялись и ласкали его. Он перестал бояться и весело помчался с ними по комнатам, бестолково кидаясь во все стороны. Когда дети увидели, что собака развеселилась, они притащили запасную сбрую со звонкими серебряными бубенчиками и принялись его запрягать.

Помогая друг другу, они надевали хомут не той стороной и опять снимали его. Гектор лаял, толкал их лапами, делал вид, что хочет укусить, не давал снять хомут, вырывался и, поддразнивая их, бегал как угорелый.

Давно уже позабыв прежние страдания и обиды, он сам помогал детям надеть тесный хомут. Когда наконец дети напялили на него всю амуницию, они принялись громко кричать от восторга и хлопать в ладоши. Гектор отвечал им радостным лаем.

Они впрягли его сначала в опрокинутый стул, потом привязывали какие-то ящики. Девочка Миннехага вспомнила про свою детскую колясочку, сделанную из ящика на грубых колесиках. В одну минуту приволокли они этот экипаж и впрягли в него Гектора. Миннехага села в коляску, мальчик Сагастао — за кучера. Собака послушно потащила коляску вперед, оглядываясь на детей.

— Марш! — кричали они, и Гектор стрелой мчался вперед и, стараясь понять приказания „направо“ и „налево“, возил их по кухне. И вышло так, что строптивец Гектор был покорен незаметно для него самого, без кнута и даже без резкого слова.

Быстро разнеслась по деревне весть, что Гектора ездили дети. Многие не хотели этому верить и говорили:

— Это все пустяки, одна только забава! А попробуйте его на льду или на дороге — тогда увидите, какая это упрямая скотина. Он замучил индейцев, которые не

жалели для него ни кнута, ни пинков, ни палок. Поживем, увидим, какая еще будет комедия.

12887
Буря продолжала свирепствовать, на улице нельзя было высунуть носа, и дети поневоле придумывали все новые забавы. Они заставляли Гектора служить, ходить на задних лапах; выучили его ловить кусок хлеба, который клали ему на нос, отыскивать спрятанный башмак. Это Гектор проделывал мастерски, в особенности если ему удавалось сначала понюхать то, что собирались спрятать. Чей это башмак, ему было безразлично — маленький ли ботинок Миннехаги или огромный мокассин Кеннеди. Прятали куда только возможно: и в дрова, и под ковер, и за шкаф — Гектор находил одинаково легко.

Буря наконец прекратилась, и наступила ясная зимняя погода. Дети давно томились в заключении, в особенности Сагастао. Теперь они могли бегать и прыгать на озере перед домом сколько угодно.

Одевшись потеплее, они отправились, захватив с собой Гектора. Миннехага скоро озябла и ушла домой, а резвившийся на льду Сагастао внезапно остановился и сказал: — Слушай, Гектор, разве ты не можешь возить меня по льду на санях, так же, как ты возишь нас дома в колясочке?

И он пустился бежать к дому, а Гектор — за ним. Прибежали к старику Кеннеди, и Сагастао стал его просить, чтобы он помог ему запрячь собаку в санки.

Старик и слышать не хотел, утверждая, что из этого ничего не выйдет и что не стоит возиться с упрямым псом, с которым ничего не могли сделать самые лучшие объездчики.

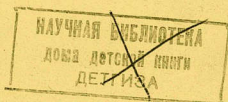
Сагастао горячо убеждал его, что индейцы не умели обращаться с Гектором и били его вместо того, чтобы приласкать. Наконец Кеннеди согласился.

— Вперед, Гектор, — закричал мальчик, и они взапуски бросились к дому. А Кеннеди уже тащил сбрую и самые легкие березовые санки. В одну минуту накинули шлею, застегнули подпругу, и покуда Мария отворяла дверь из кухни, Гектор уже трусил рысцой под музыку серебряных бубенчиков, а Сагастао горделиво натягивал вожжи.

Кеннеди так и застыл на одном месте, широко раскрыв рот. Сагастао крикнул ему, чтобы он толкнул к нему сани.

685234

Российская государственная
детская библиотека

Кеннеди нагнулся, взял сани в руки, дал им сильный толчок, и они быстро понеслись по льду туда, где стояли Сагастао с собакой.

При виде этого орудия прежних пыток Гектор весь затрясся, и шерсть у него встала гребнем. Вспомнились злые крики индейцев, их брань, удары хлыста, изрезавшие уши и спину. Боль от прежних ударов как-будто ожила снова, и Гектор глухо заворчал на ненавистные сани. Они катились как бы сами собой. Их вид вызвал все его упрямство, и он приготовился злобно броситься на врага.

Когда Сагастао, видя ужас собаки, ласково коснулся ее головы, она вздрогнула, оцетинилась и уже оскалила было зубы. Но веселая улыбка мальчика и его ласковые слова заставили ее опомниться. Страх прошел, и Гектор весело залаял прямо в лицо Сагастао. В доме к окну прижимались веселые ожидающие лица хозяйки, Миннехаги и старой горбуньи Марии. Только Кеннеди стоял поодаль, угрюмо и полуиспуганно наблюдая за всем происходящим.

Сагастао взял Гектора за передние ноги и осторожно потащил его к санкам. Тот стоял не шевелясь, пока мальчик продевал вожжи в петли на передке саней. Когда Сагастао встал в сани и весело скомандовал: „Ну, Гектор, марш“ — собака с такой силой рванулась вперед, что выдернула из-под него санки, и Сагастао опрокинулся на спину. Ноги его взметнулись вверх, а голова ударилась об лед так сильно, что, как он потом говорил, у него из глаз посыпались звезды.

Миннехага, увидав в окно, как упал брат, вскрикнула и заплакала от испуга. Мария, поспешно схватив толстую палку, побежала на помощь к мальчику, но Сагастао быстро вскочил на ноги и бросился навстречу горбунье.

— Милая Сането (это было ее индейское имя), Гектор не виноват! Не трогай его... Оставь нас, мы с ним поладим.

Он поправил шапку, ослабившую силу удара, и сказал собаке:

— Ничего, ничего, Гектор! Я был сам виноват. Мне надо было сесть, а не стоять. Я не знал, что ты такой сильный и что тебе так хочется бежать.

Он повернул сани в другую сторону, уселся удобно и плотно и, взяв вожжи в руки, весело крикнул:

— Ну, Гектор, марш! Постарайся-ка выбросить меня теперь из саней!

Собака пошла тише, но осторожность была ненужна. Сагастао сидел так крепко и так лихо правил, что Гектор осмелел и помчался вперед сколько было сил — то рысью, то вскачь. Мальчик заливался смехом и радостно кричал „марш, марш“, а Гектор отвечал ему лаем.

Он быстро понял повороты, и ему нравилось бешено скакать по твердому льду озера.

Наконец они оба наигрались досыта. Сагастао повернул собаку к дому, и она быстро побежала назад. У крыльца стояла целая толпа индейцев, которых собрал Кеннеди. Эти индейцы давно уж торговали Гектора, чтобы сварить его и съесть, вполне убежденные, что объездить его невозможно.

Кеннеди наслаждался их удивлением, собака, которую не могли укротить первейшие объездчики, была покорена маленьким мальчиком.

Хозяйка и Миннехага тоже вышли навстречу, поздравляя Сагастао. Они хотели ему помочь распрячь Гектора. Но мальчик никого не подпустил, и хотя его нос был добела отморожен, он все сделал сам и только тогда успокоился, когда привел Гектора в кухню и уложил на буйволону шкуру.

Так стал Гектор ездовой собакой. Каждый день дети весело катались на нем по льду. Иногда валкие сани опрокидывались и седуки выкатывались в снег, но это их не пугало, а придавало еще больше прелести их катанью.

НАСТОЯЩАЯ ЕЗДОВАЯ СОБАКА

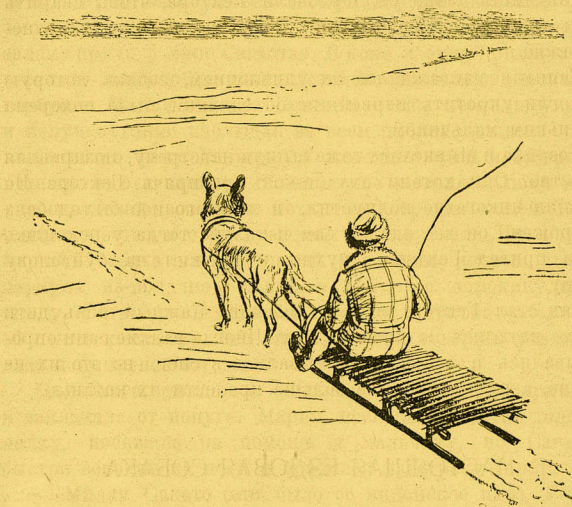
Однажды после полудня появился на кухне известный в округе проводник Том Грив, который уехал вместе с хозяином, а теперь вернулся на лыжах.

Хозяйка и дети очень ему обрадовались. Он сказал, что поездка прошла благополучно и что он оставил путешественников утром, когда они завтракали у костра. Судя по тому, что он бежал быстро, их можно было ожидать через несколько часов. Пока Том Грив ел на кухне, Сагастао

кликнул Гектора и бросился бежать с ним к жилью Кеннеди. Проворно сообщив все новости, он стал просить санки и упряжку для Гектора, чтобы поехать встретить отца.

Осторожный, сперва Кеннеди отнекивался, но Сагастао так умильно смотрел на него и так упрашивал, что, по обыкновению, он уступил и даже сам увлекся мыслью удивить хозяина.

Гектора запрягли. Но Кеннеди не отпускал их, пока его зоркие глаза не разглядели далеко, за несколько миль, приближающегося по озеру обоза. Сагастао сел в сани, подоткнулся кругом меховой полостью, а Кеннеди потрепал Гектора по голове и сказал:

— Ну, Гектор, не осрами себя и нас. Покажи, чего ты стоишь, и не ударь лицом в грязь.

Тот лизнул его руку, попрыгал на месте, потом налег в хомут и пошел ровным ходом. Вскоре послышался звон бубенчиков, а затем показался и ряд саней.

Завидев родное жилье, собаки шалют от радости, и остановить их в это время почти невозможно. Они рвутся из

последних сил, забывая в своем волнении ушибы и раны, без которых не обходится ни одно далекое путешествие. Сагастао, заметив, с какой быстротой несутся вперед все сани, догадался повернуть свои обратно. Он остановил Гектора у дороги, дожидаясь, когда поезд поровняется с ними.

Веселое „динь - динь - динь“ раздавалось все ближе и ближе. Вихрем неслись впереди сани хозяина. Когда они были уже совсем близко, Сагастао пустил Гектора. В это время поровнялась с ними первая запряжка, и Гектор поскакал, не отставая, рядом с ней, бок-о-бок с повозкой хозяина.

— Здравствуй, отец, — крикнул изо всей силы лихой наездник, — мы все здоровы. Давай с тобой гоняться!

До этой минуты отец не мог понять, что за мальчик его встретил и чья это собака, не отставая, бежит нога в ногу с его лучшими собаками.

Узнав сына по голосу, хозяин хотел остановиться и взять его к себе, но Сагастао решил потягаться с самыми лихими собаками фактории. К тому же и дом был близко. Весело гнал он вперед Гектора и кричал отцу:

— Будем гоняться, будем гоняться!

Путь был неровен, попадались глыбы льда, и отец, боясь, чтобы маленькие сани не откатились от его тяжелой повозки, придерживал их рукой.

Летели весело и возбужденно, а сзади заседали другие запряжки. Собаки уже не слушались команды, стремясь как можно скорее быть дома.

Под визг полозьев, звон колокольчиков и крики индейцев Сагастао, стараясь перекрычать все и всех, рассказал отцу, каким образом он объездил Гектора и каким тот стал послушным и старательным. Дружно подкатали все вместе к фактории.

Хозяин вылез из саней, схватил Сагастао на руки, расцеловал его и стал ласкать собаку.

— Умница, Гектор, славная собака! Я догадался еще тогда, что добром с тобой все можно сделать, и не ошибся.

Гектор совсем одурел от гордости. Вокруг толпились лучшие ездовые собаки, только-что перенесшие путешествие за несколько сот миль, а он задира л нос, точно был нивесть каким сокровищем. Остальным собакам было не до него, и они не обращали внимания на его наглость.

ДРАКИ ЗА ПЕРВЕНСТВО

Время шло, и Гектора стали впрягать с другими собаками, отправляя в короткие поездки.

Скоро он так привык к работе, что его можно было посылать с товарищами на рыболовни за мерзлой бело-рыбницей. Иногда он возил дрова из дальнего леса или огромные вороха сена коровам.

Наконец, к величайшему его восторгу, хозяин запряг его в свои сани, вместо Цезаря, с Вояжером, Джеком и Кэффи.

Быстро мчались собаки за многие мили по крепкому льду дороги. Хозяин ехал с детьми и женой. В эти веселые поездки бича с собой не брали. Да он и не был нужен: везти было легко, останавливались гораздо чаще обыкновенного и подолгу отдыхали.

— Если мы катаемся для своего удовольствия, пусть же и собаки бегут весело, не утомляясь, — говорил хозяин.

Сагастао, ездивший с собаками ежедневно, мечтал о своей собственной запряжке. Отец согласился выбрать для него собак с тем, что он будет пользоваться ими, когда они будут свободны от работы. Помогать ему управляться с собаками взялся ловкий молодой индеец Алека.

Не легкое это было дело — подобрать к Гектору других трех собак: приходилось делать множество испытаний на быстроту и выносливость. Требовалось, чтобы все собаки были одного роста и схожи характером. Не скоро, но все-таки выбрали трех однолеток Гектора. Их звали Билли, Боксер и Бестер, и все трое оказались братьями Гектора, купленными вместе с ним у индейца.

Том Грив проезжал их несколько раз вместе и наконец сказал, что хотя первоклассными рысаками они не будут, но составят дружную, сильную и полезную запряжку.

— Эти четыре пса, — сказал он, смеясь, хозяину, — так раскормлены и так полны самомнением, что, помяните мои слова, подерутся они не раз, пока каждый из них не примирится со своим положением.

Сагастао очень гордился своими собаками и предвкушал удовольствие иметь собственный выезд. Явился шорник Мемотас, которому заказали сбрую на эту четверку. Мать дала для собак попоны, а отец к великой радости мальчика достал шестнадцать серебряных колокольчиков.

Сагастао с Алеком устроили для собак отдельное просторное и теплое помещение. Когда собак кормили, Сагастао следил, чтобы старые, более сильные псы не отнимали у них пищи. Сначала четверка казалась очень дружной, но продолжалось это недолго. Вскоре начались среди них ссоры, и дело дошло до серьезных драк. Сбивались слова Тома Грива.

Когда один из псов побеждал в драке другого, то остальные два тотчас же на него набрасывались, чтобы сбить с него спесь. Так устанавливалось невольное равенство. После каждой битвы не было победителей. Занятнее всего было то, что ни на одной собаке не бывало не только ран, но даже царапин.

Том Грив решил принять меры, чтобы прекратить эти скандалы. После одной очень морозной ночи началась под утро снежная буря. Хорошо и удобно лежали у себя в тепле собаки. Они были уверены, что Сагастао в такую погоду и не подумает проезжать их.

Только что заснули они перед рассветом крепко и сладко, как дверь к ним отворилась, и, прежде чем они опомнились, их без церемонии выволокли на холод и быстро нарядили в старую крепкую рабочую сбрую.

Так же проворно подкатали к ним тяжелые дубовые сани, в которых обыкновенно возили рыбу. Две запряжки с сильными старыми псами были уже готовы. И погонщики и их собаки рвались вперед, чтобы согреться на бегу.

Кучером оказался сам Том Грив. Когда молодых псов стали подгонять, чтобы они не отставали от передовых запряжек, они почувствовали, что им предстоит тяжелая работа.

Том помахивал ременным бичом длиной около пятнадцати футов. В его опытной руке бич извивался, закручивался и щелкал громко, как выстрел из ружья. Иногда он проносился на один дюйм от их ушей, и хотя Том никогда в жизни не ударил ни одной собаки, но его бича

они боялись больше всего на свете. Громовой голос Тома заставлял их делать огромные прыжки вперед и натягивать постромки как струны.

За два часа они пробежали двадцать миль по льду—до того места, где была запасена на высоких жердях мороженая рыба. Собакам позволили отдохнуть только до тех пор, пока люди не нагрузили рыбу. Индейцы закурили трубки, крикнули „марш“, и молодым собакам впервые пришлось тащить такой тяжелый воз.

Они выбивались из сил, но их не жалели. При малейшей остановке строгий голос Тома подгонял:

— Марш, марш!

Грозный бич извивался угрожающе близко, и раздавалось его страшное щелканье.

Более трех часов тащили они почти непосильный для себя груз. От неожиданности это казалось им еще более жестоким и трудным.

Разгоряченные, тяжело дыша, дотащились они до фактории. Хозяин тотчас же вышел, осмотрел их и спросил Тома:

— Ну, что, пропадет теперь у них охота драться?

— Эта четверка очень бойкая, — ответил Том. — Им придется много поработать, прежде чем они возьмут в толк умное правило, которое рано или поздно запоминают все рабочие собаки: они поймут, что если кому приходится работать с другими, то надо трудиться дружно и не растрачивать сил в драках между собой.

— Сколько же времени понадобится им, чтобы они это поняли? — спросил хозяин.

— Если у них достаточно здравого собачьего смысла, дней через десять они обойдутся.

К сожалению, здравого собачьего смысла у них не было, что они и доказали в тот же самый день.

— Надо бы прогнать их еще за рыбой, — сказал Грив.

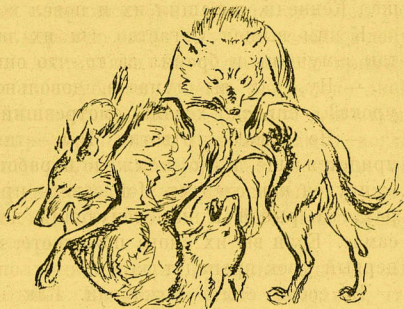
— Нет, нет, — уговаривал его Сагастао, — сорок миль на первый раз более чем достаточно, да еще с таким тяжелым грузом. Распряги, сегодня они драться не будут.

Через минуту все четыре собаки весело кувыркались в сухом снегу, потом отправились в свое жилье, зарылись в мягкое сено и заснули сном праведных.

Но вскоре они разом проснулись, вообразив, что их позвали к ужину. Стремглав полетели вперегонки к дому. Тут только они поняли, что ошиблись, и, недовольные, раздраженные, побрели обратно. Каждой захотелось войти в дверь первой, чтобы забиться в самый дальний угол. Прежде чем они поняли, кто начал драку, все четверо уже крутились, вцепившись друг в друга. Разодрались они так, что на шум и визг прибежали Том и Кеннеди, а за ними Сагастао с отцом. Собак с трудом растащили и разогнали в разные стороны.

Отец с Томом и Кеннеди осмотрели их, но не нашли серьезных ран.

— Мой совет, — сказал Том, — вышвырнуть их спать в снег и оставить без ужина. А завтра поднять до света и прогнать два раза за рыбой.

По счастью для собак, никто с этим не согласился. Даже Кеннеди заявил, что это жестоко. А добрый Сагастао пришел в негодование. Недавно он и Миннехага читали в книжке, что собаки любят лаять и драться, потому что это в их природе, и стыдно их за это так тиранить.

В обычное время прислали собакам сытный ужин из вкусной белорыбицы, а ранним утром их разбудили голоса работников.

Ужасный Том опять запряг их в тяжелые сани и погнал по вчерашнему пути. Выехали так рано, что попали на рыболовню еще до восхода солнца.

Проворно нагрузили сани, повернули собак к дому, и громогласный Том погнал их без всякой жалости бегом.

Дома собакам позволили отдохнуть около часа, пока завтракали погонщики. Потом в другие сани запрягли свежих собак, а с ними погнали и забияк. Там, на месте,

не успели они опомниться, как уже рыбу нагрузили и, несмотря на усталость, заставили их тащить груз домой. Ноги у них заплетались, они шатались из стороны в сторону и еле-еле добрались до дому.

Том снял с них хомуты, дал каждому по легкому пинку и сказал:

— Ну, вряд ли вам придет теперь охота грызться.

Да, им было не до грызни... Измученные, они доплелись до конуры и свалились, не разбирая, где кому пришлось лечь. Напрасно их звали к ужину — никто не встал. Пришел Кеннеди, вытащил их и повел кормить.

К ним вышел Сагастао. Он их ласкал, жалел, что их так замучили, и бранил за то, что они ссорятся.

— Ну, как вы думаете, довольно с них будет этого урока? — спросил хозяин, смотревший на кормежку.

— Не думаю, — ответил Том, — таким бойким собакам придется еще долго и тяжело поработать вместе, пока они сживутся как следует. Мой совет — прогнать их завтра два раза за рыбой и на следующий день повторить то же самое. Если вы их снова пожалеете, может случиться, что первый урок пропадет даром.

Но собак опять пожалели. Как возобновились у них ссоры, трудно сказать. Из-за пустяков затеяли они однажды такую драку, от которой, как говорится, небу стало жарко. Каждый из псов старался победить остальных и доказать свое первенство. Куна стоял в дверях и, глядя на них, выл и тявкал от восторга.

Совсем внезапно и бесславно кончилось это побоище. Том Грив, которому было поручено отучить собак от драк, заметил, что Куна шляется около их помещения. Зная его повадки науськивать других собак на ссоры, Том был настороже. На этот раз Куна был так занят подстреканием собак, что не расслышал, как подошли Том с Кеннеди. Том подкрался к нему и ловко поймал его в дверях. Он задал ему такую порку, что его дерзкий лай превратился в жалобный визг и вой.

Кеннеди рознял собак, отстегал каждую из них и запер в разные помещения.

Вечером собаки получили на ужин по одной рыбе вместо двух. Три дня под ряд они делали по две поездки

на дальние рыболовни и привозили оттуда большие грузы рыбы. Эти страшные трое суток изморили их. В последний день вечером Билли, Боксер, Бестер и Гектор прямо свалились с ног и, забыв о ссорах, заснули всеми четырьмя ногами вместе.

С этого дня между ними установилась крепкая дружба.

СОСТЯЗАНИЕ С ВОЛКОМ

Почти все собачьи запряжки были заняты тяжелой работой: возили дрова и мерзлую рыбу. Индейцы кололи в лесу дрова, и на собаках доставляли их в факторию прямым путем, проложенным по глубокому снегу. Несколько дней под ряд Сагастао ездил в лес и обратно с Алеком или с кем-нибудь другим. Вскоре он привык править сам и, когда его сани, нагруженные рыбой, поворачивали к дому, он вскакивал на них, не дожидаясь следующих саней.

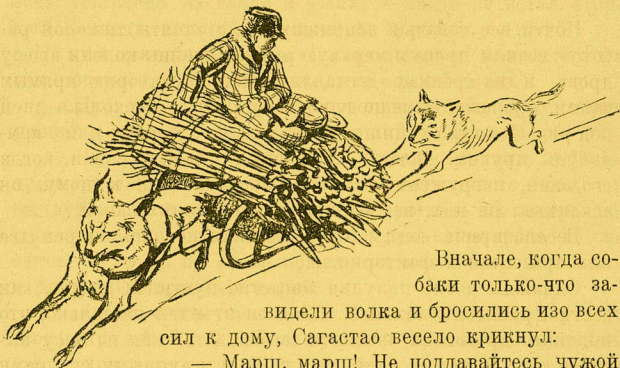
Весело кричал он „марш“, и собаки неслись вихрем две или три мили к фактории.

Однажды после полудня Сагастао пустился в путь, как всегда, раньше остальных. Едва он отъехал настолько, что индейцы-дровосеки не могли его видеть, как из лесу выскочил невиданной величины волк и крупными скачками направился прямо к Сагастао.

Хорошо, что снег был очень глубок, волк вязнул в нем после каждого прыжка. Все четыре собаки почуяли зверя, как только он показался из лесу, и понеслись как сумасшедшие, но волк не отставал. Сагастао крепко вцепился в ремни, которыми была привязана к саням поклажа.

Волк все приближался и приближался. Несмотря на глубокий снег, он верно рассчитал последний прыжок. Но собаки рванулись вперед еще быстрее, и волк прыгнул не в сани, а позади их на узкую дорогу. Он побежал галопом за упряжкой, но поклажа на санях была не тяжелая. Тополевые колья, около шестнадцати футов длины, положенные поперек, торчали в обе стороны почти во всю ширину пути и далеко выступали сзади, а Сагастао сидел на самом передке саней.

Когда волк понял, что ему сзади не удастся схватить мальчика, он кинулся в снег, надеясь достать его сбоку. Однако даже огромному тощему волку было трудно быстро бежать по легкому сухому снегу фута в три — четыре глубины. Несмотря на весь его голод и отчаяние, он не мог перегнать четверку собак, не помнивших себя от ужаса. Казалось, что вот-вот он схватит Сагастао, но, увязая в легком пушистом снегу, никак не мог подскочить, чтобы вспрыгнуть на сани.

Вначале, когда собаки только-что увидели волка и бросились из всех сил к дому, Сагастао весело крикнул:

— Марш, марш! Не поддавайтесь чужой собаке! Перегоняйте ее! Вперед! Вперед!

Собаки скакали, обезумев от страха, спасая свою жизнь, а Сагастао боялся только выпасть из саней. Он привстал, наклонился вперед и растянулся на дровах, крепко ухватившись за ремни. Несколько раз он обращался к волку с шутливой насмешкой, забавляясь тем, что зверю не удавалось поровняться с санями.

— Марш, марш! — кричал он снова — Не уступайте! Пес не догонит нас.

Несколько раз волк пытался прыгнуть на дрова, но скатывался обратно и опрокидывался на спину. На короткое мгновение, когда сани становились тяжелее, ужас собак доходил до предела. Откуда у них бралась новая сила! Они буквально выдергивали сани из-под волка. Как он только не вывихнул себе ног! Нет, он каждый раз проворно вскакивал и бросался снова в погоню.

Наконец собаки выбрались из леса и завидели вдали вигвамы. Волк не отставал. Дорога стала шире, и ему было удобнее бежать рядом с собаками. Однако две — три мили прыжков по рыхлому снегу утомили его, и он заметно начинал отставать. Сагастао, завидев дом, стал дразнить волка и еще веселее покрикивал на собак. Так, преследуемая голодным зверем, отставшим на несколько метров, запряжка подкатила, запыхавшись, к крыльцу.

Дружно и радостно залаяли собаки, увидав выходящего к ним хозяина.

Обнимая отца и смеясь от веселого волнения, мальчик начал рассказывать, как он гонялся с какой-то огромной собакой, как она бежала совсем рядом с саними, какие огромные прыжки делала она по глубокому снегу и как не раз готова была схватить его за одежду, скаля свои длинные зубы.

— Как она злилась, когда я дразнил ее! Это было весело! Я хохотал прямо в морду этому одичавшему псу. Он так злился, что прыгал на дрова, но не удерживался, скатывался с них и так смешно опрокидывался назад! И все-таки мы обогнали его! Билли, Боксер, Бестер и Гектор — лучшие наши собаки, уверяю тебя!

Вышли на крыльцо мать и Миннехага, и он начал им все так же весело рассказывать про дикую собаку, как вдруг прибежали индейцы-погонщики без собак, но с топорами. Их товарищ, выехавший вслед за Сагастао, тотчас же заметил волчьи следы. Оружия с ним не было, он вернулся в лес и поднял там тревогу. Захватив топоры и оставив одного человека с собаками, все остальные бросились бежать на помощь мальчику.

Острые глаза охотников разглядели волка, преследующего собак. Они видели его прыжки и усилия забежать сбоку. Временами запряжка скрывалась из виду, а они продолжали бежать, не зная об участии мальчика. Тут только отец и мать узнали, какой страшной опасности подвергался Сагастао, и поняли, как он счастливо спасся от неминуемой гибели. Индейцы говорили, что если волк отважился преследовать сани до самого дома, то это значит, что он был очень голоден, а стало быть, вдвое опаснее обычного.

Сагастао был поражен, узнав, что за ними гнался волк, а не собака. Он вообразил, что волк еще может вернуться, и, подхватив Миннехагу, прежде чем кто-нибудь смог за нее вступить, втолкнул ее в грязную кладовую, где хранилась рыба, и захлопнул перед ее носом дверь.

В тот же день раскидали отравленной приманки, и на другой день рано утром волка нашли мертвым у въезда в лес.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕГОН

Совсем неожиданно в факторию приехал на нескольких санях с великолепными собаками старый друг хозяина.

Поездка в Форт-Гарри, к которой давно готовились, была отложена на неделю, чтобы дать чужим собакам отдохнуть и поправиться, потому что они сильно заморились и исхудали в пути. Приезжий собирался в то же путешествие, и решено было ехать вместе. Сбрую убрали в сарай и всем собакам дали отдых вместе с приезжими. Они точно поняли это и стали весело кружиться и подпрыгивать, стараясь лизнуть хозяина в лицо.

— Хорошо, хорошо! — говорил он. — Отдыхайте вволю, только не ссорьтесь.

Для приезжих собак открыли соседний хлев.

— Эй, ты, Гектор! Иди сюда! Мне нужно снять мерку с твоих лап, — кричала с крыльца Мария.

Сагастао упросил ее сделать обувь для своего друга, которому он приписывал свое спасение от волка. Через несколько дней Сагастао привел Гектора на кухню, и обувь примерили. Это были башмаки, сшитые из толстого сукна. Их было по дюжине на каждую лапу. Но увы, до возвращения домой вся эта обувь была изношена в клочки.

Мать еще во время примерки говорила Сагастао, что другие собаки будут завидовать Гектору, а когда натрудят себе лапы, то на ходу примутся рвать его обувь.

— Я знаю, — сказала она, — что в соседней фактории занимается изготовлением такой обуви шорник. Надо будет заказать ему туфли для всех собак, которые пойдут с нами.

Мамотас перечинил всю собачью сбрую. Собакам не давали слишком много дурачиться и бегать. И хозяин

и погонщики старались заставить их как можно больше лежать и спать. В доме запасали в изобилии пищу, приводили в порядок меха, шубы и всякую одежду, так как в пути надо было несколько ночей провести под открытым небом, в лесу. При упаковке всего этого в сани Гектор постоянно вертелся около и совал нос во все, что приносили укладывать.

Из Форта-Гарри требовалось привезти тяжелый груз, и поэтому для собак заготавливали много корму. В сани грузили огромное количество мерзлой рыбы.

Гектора впрягли передовой собакой не в те сани, где были шубы и разные хорошие вещи, а в те, где не было ничего кроме рыбы. Но это оказалось ему же на пользу: из саней, в которые он был запряжен, брали на каждой остановке рыбу не только для кормежки собак, но и для того, чтобы зарывать ее глубоко в снег про запас для обратного пути: из Форта-Гарри придется везти только покупки, а кормиться собаки должны будут этой рыбой, взятой из дому. Сани Гектора постепенно становились все легче, и бежать ему было не так трудно, как собакам в других санях. Том Грив был проводником, а погонщиком — Мартын. Это все устроил Сагастао, знавший, что Мартын хоть и кричит на собак, но никогда их не бьет.

Вояжер был, конечно, во главе поезда. Им правил сам хозяин. С Вояжером были Джек, Кеффи и Муф. В последний вечер перед отправкой в путь собакам дали самый обильный ужин, и хозяин с погонщиками снова осмотрели их.

— Угмонитесь сегодня пораньше и выспитесь покрепче, друзья мои,—сказал хозяин.—Завтра рано утром мы выступим.

— Да,—сказал Мартын,—придется им поработать! Хорошо устроено судьбой, что они не предвидят ничего заранее. Им и горюшка мало... Они даже радуются, бедняги. Нет у них заботы, как у людей.

Звезды еще были на небе, когда собак разбудило позвякивание колокольчиков: это работники несли сбрую. Быстро накинули на собак хомуты и впрягли их в тяжелые сани, по четыре гусем в каждые.

Кончив запряжку и погрузку, проводники и погонщики подкрепились горячим завтраком и несколькими кружками чаю.

Потом все вышли на крыльцо. Сагастао сперва подошел к Джеку и Кеффи, мимоходом потрепал Муф, потом остановился возле Гектора, обнял его за шею и поцеловал в голову.

— Прощай, Гектор, мой хороший пес, мой милый друг!

Его голос прервался, и на голову собаки закапали слезы. Гектор вилял хвостом и смотрел ему в глаза.

Хозяин уже сидел закутанный в меха. Проводник и погонщики прощались с хозяйкой, пожимая ей руку.

Запряжек было много, и проводник назначал каждой свое место. Приезжий гость ехал вторым после хозяина.

— Поставь третьим Гектора,—закричал хозяин,—непрерменно Гектора, а уж потом Куну!

Какой шум подняли собаки! Лаяли, отряхивались, звенели колокольчиками, прыгали и вверх, и в стороны...

— Хорошо было бы, если бы они оказались такими же веселыми недель через шесть,—сказал хозяин.

Все ждали только приказа хозяина, чтобы пуститься в путь. Кеннеди подошел поправить сбрую на Вояжере, как вдруг раздался отчаянный крик: маленькая Миннехага, которую Мария взяла уже на руки, чтобы унести в дом, заливаясь слезами, кричала:

— Хочу поцеловать еще раз папу!

Мария поднесла ее к отцу. Она пыталась обнять отца за шею, но не могла его обхватить своими ручонками—так он был закутан.

— Папа, не уезжай! Папа, не уезжай! Мария говорит, что ты будешь спать в снегу и что к тебе придут волки...

Подошла мать и, не произнося ни слова, взяла девочку на руки и унесла ее, рыдающую, в дом.

— Готово, Том?—спросил хозяин.—Ну, пошел!

Погонщики разом заорали: „Марш, марш!“ Индейцы заголосили: „Какое веселье, какое веселье!“ Собаки рванулись дружно вперед, и путешествие началось.

„Не лучше ли было бы остаться дома, возить целый день рыбу, а вечером приходить в теплую кухню, наесться плотно и заваливаться спать в теплой конуре, чем сидеть в снегу и моргать на огонь“,—казалось, думал про себя Гектор, сидя в первую ночь перед костром, на огне которого погонщики оттаивали рыбу на ужин для собак.

Целый день он тянул изо всех сил свои тяжелые сани, а теперь дрогнул на снегу, дремля одним глазом и следя другим за полетом искр с длинными хвостами или косясь на рыбу, которая долго не разогревалась. Все тело его ныло, а ноги коченели.

Погонщики позвали собак ужинать. При тяжелой работе собак кормят только один раз в день. Понятно, они не заставили себя упрашивать. Каждая запряжка бросилась к своему погонщику, который следил все время, чтобы собаки ели только свои порции, не обижая одна другую.

В начале поездки, в продолжение первых двух дней, дорога была прекрасная, накатанная охотниками. Собаки бежали легко и быстро и после захода солнца прибыли в местечко, называемое Старый Форт. Здесь им дали небольшой отдых, а люди нарубили сухостоя, расчистили снег и, когда затрещал огонь костра, состряпали себе горячий ужин.

НА СТОЯНКАХ

Вскоре они добрались до огромного озера Виннипег. До сих пор Том Грив бежал впереди поезда. Теперь, после первого перегона, он пришел переговорить с хозяином.

— Пусть теперь Вояжер покажет свое уменье. После нескольких дней бега на лыжах тебе надо отдохнуть,— сказал хозяин.

И вот на безграничном просторе озера всему поезду пришлось двигаться под предводительством собаки. Вояжер должен был привести всех к месту, которое ему укажут.

Не раз и в прежние дальние поездки ему указывали вперед, а он устремлял в ту сторону свой одинокий глаз и долго вематривался, взглядывая по временам на того, кто давал ему указания, как бы спрашивая, верно ли он понимает его. Потом он гордо и важно становился во главе поезда, и уже можно было быть уверенным, что он не ошибется, а приведет к месту, которое находилось иногда за много миль и видеть его было невозможно. Как умудрялся Вояжер отгадывать точку назначения, как-будто указанную ему на компасе, было совершенно непонятно.

Всегда угрюмый и нелюдимый, Вояжер никогда не был веселым и даже почти не лаял. Теперь, высоко подняв голову, он напряженно оглядывал окрестность, а его никогда не вилявший хвост раскачивался плавно и важно.

— Ну, Вояжер, нам нужно ехать в ту сторону, миль за тридцать пять отсюда. Вон туда, туда!.. Понимаешь, понял? Ну, ладно.

Хозяин и Том Грив — оба погладили Вояжера, и он не сторонился от них, как делал это дома. Крупным прыжком рванулся он вперед, проскакал несколько шагов, перешел на среднюю рысь и повел весь обоз. Собаки послушно побежали за ним.

Вояжеру нужно было установить большую или меньшую скорость бега, и он делал это сообразно расстоянию. Когда он вел обоз, собаки пробегали за один перегон гораздо больше миль, чем с проводником. С ним нельзя было лодырничать, иначе пришлось бы потерять из виду первую запряжку. К тому же при длинных переходах под предводительством проводников собаки успевали хоть немного передохнуть во время коротких остановок, пока проводники раскуривали свои трубки.

Когда же вел обоз Вояжер, приходилось бежать безостановочно. Его могучие легкие работали как кузнечные мехи. Установив такт рыси, он бежал, не сбиваясь, забыв все на свете и ровно перекидывая ноги, никогда не знавшие усталости, точно они были из железа. Остальные собаки поспевали за ним, налегая всей грудью на постромки и порой задыхаясь до колотья в боках, а он бежал свободно, ровно, как машина, и, кажется, добежал бы до края света, не меняя шага, если бы хозяин не приказывал ему, когда требовалось, остановиться.

Под вечер, когда уже переехали озеро, Том, посоветовавшись с хозяином, опять побежал проводником впереди. Начался лес, в котором было слишком много кустарника между деревьями, так что приходилось беспрестанно делать повороты. Это было труднее, чем бежать по прямому пути, к тому же лапы у собак уже болели от усталости.

Но вскоре Том внезапно остановился в гуще леса и сказал:

— Вот тут можно разбить лагерь. Сухостоя много, а ели защитят нас, если начнется буран.

— Прекрасно, Том,—сказал хозяин весело,—ты мастер находить стоянки.

Собаки заволновались, радуясь остановке и нетерпеливо поджидая, чтобы подбежали остальные запряжки. Когда все были в сборе, их быстро распрягли, и они стали лаять от радости, кататься в снегу и дружески обнюхивать друг друга. Но вертелись, суетились и лаiali только молодые собаки, а старые вырыли ямы в снегу, покружились в них, приготовляя себе удобное место для отдыха, и, свернувшись клубком, легли, закрыв морды своими пышными хвостами. Так спали они до ужина. А люди в это время работали.

На этот раз нашли удобную стоянку, а собаки еще не успели обессилеть. Но иногда удобной стоянки не находилось. Случалось, что совершенно изнеможенным собакам приходилось бежать много миль в поисках подходящего для отдыха места. На Тома Грива было трудно угодить. Зато когда он решал остановиться, то действительно место оказывалось удобным во всех отношениях.

Люди работали все, не исключая хозяина. Нарубили сухих веток и деревьев для костров, разметали снег на три стороны высокими стенами, а с четвертой стороны, отступя вперед, развели огонь. Тут стряпали ужин и оттаивали рыбу для кормежки. Сначала кормили собак, а потом уже ели сами.

Выдавались иногда бесконечно длинные перегоны по большим озерам, где, конечно, не было дров и нельзя было развести костер. Люди уставали до последней степени, им было и холодно, и голодно. Однако при вечерней остановке прежде всего все-таки кормили собак. Им давали по две белорыбицы на ужин, а утром они отправлялись в путь на тощак и терпели до вечера. Если бы их кормили с утра, то у них нехватило бы сил работать.

Молодые псы никак не могли к этому привыкнуть. Мартын полагался на их честность и, доставая рыбу из саней, не считал нужным тотчас же плотно увязывать остальное. И на этот раз он только прикрыл рыбу кожей. Гектор прокрался к саням рано утром, когда еще спали и люди и собаки, осторожно приподнял мордой оленью шкуру и вытащил чудеснейшую рыбину. Но никакого вкуса не было

в этой мерзлой палке, которую он украл. Он с трудом грыз ее, давился и его пробирала дрожь.

Нужно было однако спрятать концы, то-есть все съесть! Зарыть краденое он не смел: собаки непременно почуяли бы и отрыли бы рыбу. Добыча уже не радовала его. Из рта пошла кровь, а внутри словно был набит лед.

Покончив наконец со своим отвратительным завтраком, он весь дрожал от озноба, а подняв голову, увидел пристально смотревшего на него Мартына.

Понурый и пристыженный, Гектор не мог справиться с дрожью, но Мартын подошел, сгреб его за шиворот и согрел... Да, он нагрел его хлыстом и нагрел хорошо.

На этот день в наказание переместили его запряжку назад, даже позади Куны, и этот дерзкий нахал вволю поиздевался над ним. Гектору было грустно, что его перевели далеко от любимого хозяина, который, бывало, во время поездки часто оглядывался на него и заговаривал с ним.

Досадно было Гектору, что его поставили позади зубоскала Куны, но в то же время он был рад, что хозяин его не видит. Он никуда не годился весь день после своего утреннего завтрака. В желудке у него была тяжесть, распирало бока, он задыхался, его одолевала сонливость, и он еле-еле волочил ноги.

Билли, Боксер и Бестер уседно работали за него, когда он слишком слабо тянул постромки. Когда Мартын кормил их на ночь, он дал Гектору одну рыбу, а другую из его порции разделил на три части и роздал его товарищам.

— Они, брат, за тебя поработали, вот и получают твою долю.

На следующее утро Мартын простил его, отчитав хорошенько и выразив надежду, что Гектор запомнит, как не идет в прок краденое. И рад же был Гектор, что его поставили на прежнее место!

СОБАКИ БАСТУЮТ

Ночи были холодные, но если не было бури, то собаки переносили усталость легко. Хозяин со своим другом и проводниками долго разговаривали и смеялись на ночлеге,

сидя вокруг ревающего огня, на котором готовили ужин и для себя, и для собак. Вояжар и другие нелюдимые укладывались в ямки, а Гектор и некоторые его товарищи сидели вблизи людей, прислушиваясь к их голосам и мигая глазами от усталости. Постепенно они начинали клевать носами и свертывались клубочками, где кто мог.

Когда холод был особенно жесток, хозяин звал Гектора к себе, и он зарывался в его одеяла вместе с Джеком и Кеффи, которые в поездках спали всегда с ним. Джек забирался за спину, а Кеффи ложился на ноги.

На каждой стоянке индейцы зарывали глубоко в снег ровно такое же число рыб, какое давалось собакам на ужин. Это были запасы на обратный путь, и они прятались в такие места, где волки не могли их достать.

Дни проходили в тяжелой и неустанной работе. Некоторые из собак уже стали хворать от жестокого холода и непосильной натуги.

Хуже всего было раннее вставанье, задолго до света. Люди поднимались среди ночи. Каждый из них спал, завернувшись в заячью шубу, вблизи хозяина. Если с вечера не слышалось волчьего воя, то кострам давали потухнуть. Когда пора было выезжать, индейцы в ночной тьме, при свете звезд, проворно набирали дров и снова разводили костер. Одни стряпали еду, другие поправляли поклажу в санях и запрягали собак.

В эти холодные ночные часы собаки старались отлынивать от работы. Иные ни с того, ни с сего становились глухими. Как ни звали их люди, они не откликались. Собрать и найти их в густом лесу, где не было света ни от звезд, ни от снега, было очень трудно.

Всех дольше обычно молчал Куна, и всего труднее было найти его. Его погонщик, потеряв терпение, шел на хитрость: он стал подмечать с вечера, где пес укладывается. Но перехитрить этого мошенника было нелегко. Когда все стихало и усталые люди и собаки погружались в сон, Куна тихонько вылезал из своего логовища и шел прятаться в другое, более укромное место.

Измучил он своего погонщика до того, что тот обратился за помощью к товарищам. Посмеявшись вдоволь, они придумали, как помочь его горю: нагребли из костра угольев,

потушили их в снегу, столкли в тонкий, как пыль, порошок, поймали Куну и вычернили его белую шкуру от носа до кончика хвоста. Конечно, на следующий день погонщик нашел его легко, и с этих пор Куна уже не менял места отдыха.

Привычка усталых собак прятаться и не откликаться, когда их звали, стала наконец совсем несносной. Притом и выезжать приходилось позднее.

Собаки определенно требовали сокращения рабочего дня. Не зная, как с ними справиться, погонщики стали просить хозяина дать им в помощь умного Джека. Хозяин согласился, и Джек принялся за дело.

Погонщик приносил хомуты собак и, давая их один за другим обнюхать Джеку, называл собаку по имени. Джек кидался в лес и вскоре раздавался его грозный лай. Это значило, что он нашел забастовщика и гонит его домой.

— Ну, — говорили ему, показывая другой хомут, — приведи теперь этого!

Постепенно Джек так наловчился сгонять непослушных псов, что уже почти не приходилось терять даром время утром, и в путь выезжали во-время.

Однажды хозяин, вставший так же рано, как и погонщики, заметил, что Гектор следит за действиями Джека с напряженным вниманием и весь дрожит от волнения.

— Ты, видно, хочешь помогать Джеку? — сказал хозяин, наклоняясь к нему и трепля его ласково по шее. Гектор с радостным лаем вскочил на ноги. Хозяин дал ему понюхать хомут, назвал имя одной из собак, и он бросился стремглав на поиски. Нырять по глубокому снегу, Гектор немного растерялся, сознавая, что не чувствует никакого запаха; только пушистый снег щекотал ему ноздри. По счастью, порыв ветра помог ему; он повернулся в сторону, откуда донесся запах, и скоро нашел собаку. Он залаял, подметел к собаке, намереваясь схватить ее за шиворот, снять с места и погнать перед собой назад.

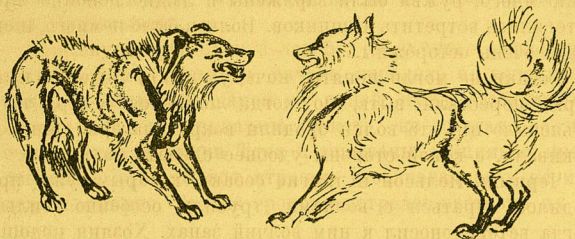
Не тут-то было! Вся его храбрость и все нахальство неожиданно испарились, когда он встретился носом к носу с самым крупным и злым псом из поезда хозяйского приятеля.

Громадная собака так злобно взглянула на Гектора, что он не пожелал продолжать с ним знакомство, а быстро

побежал к ночлегу. За ним по пятам погнался разъяренный пес. Спасся Гектор от его зубов только тем, что, не помня себя от страха, налетел на хозяина, стоявшего со своим другом.

Иначе не миновать бы ему трепки.

— Как бы ни было,—сказал хозяин своему другу,—все-таки Гектор привел вашего пса! Следовательно, он свое дело исполнил.

В ОСАДЕ

Путешествие продолжалось. Собакам становилось все тяжелее: дорога была местами очень плоха, лед резал им ноги до крови. Они оставляли на снегу кровавые следы. В пути помочь им было нечем. При остановке им слегка обмывали ноги, а более глубокие раны заливали лекарством. Наконец хозяин решил выдать собакам обувь. Удобно было собакам в мягких теплых туфлях. Они до того полюбили бежать обутыми, что сами выпрашивали у погонщиков башмаки даже тогда, когда могли обходиться и без них.

— Не стыдно вам, баловники, притворяться?—говорил им Мартын.— Дорога гладкая, и ваши лапы совершенно зажили. Обувь надо поберечь.

И сколько ни прыгали и ни ластились к нему собаки, он оставался неумолимым.

Однажды путешествие было прервано неожиданной тревогой. Собаки, спавшие в лесу, сбежались среди ночи, взвол-

нованные и дрожащие от страха. Шерсть стояла на них дыбом. Прошло несколько минут—и до лагеря донесся вой волков.

Обоз был очень велик, разводить костры вокруг всего ночлега было невозможно. Ограничились только тем, что подбавили дров в костер, горевший впереди лагеря. Проводники и погонщики сделали за костром укрепление, расчистив большое место и огородив его санями. В этот защищенный круг можно было созвать всех собак. Дров было много, ружья были заряжены и люди спокойно приготавливались встретить хищников. Волков было немного, и они были очень осторожны.

Собаки не могли понять, почему волки, подойдя к лагерю, перестали выть, но когда поднялся ветер, чутье объяснило им, что волки бродили вокруг лагеря. Они выискивали, с какой стороны удобнее сделать нападение.

Черныш, Нельсон и другие собаки, которым уже приходилось драться с волками, трусили особенно сильно, когда ветер доносил к ним волчий запах. Хозяин подошел к собакам и сумел успокоить их настолько, что они стали даже отзываться на завыванья врагов.

Пока волки тихо и осторожно окружали караван, индейцы предложили хозяину выпустить на волков всех собак сразу.

— Мы здесь не для охоты за волками,—ответил тот.—Собаки утомлены долгим и трудным путешествием, у многих из них болят лапы, на других еще свежи следы от прежних битв с волками. Если бы даже собаки и одолели волков, то часть их была бы поранена и неспособна работать. Один залп из наших ружей убьет несколько штук зверей, а остальные разбегутся.

— Кушь! Смирно! Ложитесь все! — строго сказал он собакам. Приказ этот был кстати, потому что собаки стали нервничать и бродили кругом, словно готовились улепетнуть из лагеря, только не к волкам, а в ту сторону, где их не было.

Волки, не найдя слабого места для нападения, отошли в сторону настолько, что выстрелы не могли их достать, и остановились в ожидании.

Том Грив был прекрасным охотником. Он хорошо знал все привычки и повадки волков, и ему дали опасное пору-

чение: он должен был выйти из лагеря им навстречу и встать поодоль на большой, освещенный отблеском костра пень. Волкам он будет виден, а сам начнет кричать на них, словно только-что их заметил, потом, как бы струсив, бросится со всех ног бежать обратно.

Хитрость удалась превосходно. Когда волки увидели безоружного человека, они оторопели и позабыли свою обычную опасливость. Предвкушая победу, они с диким воем последовали за Томом, когда тот стал проворно от них улепетывать.

Прыгнув через сани в лагерь, он схватил ружье, и все люди по знаку хозяина начали стрелять по волкам, стараясь не истратить даром ни одной пули. Собакам было строго-настрого приказано лежать, не вставая, но когда они услышали крики Тома и завыванье хищников, преследовавших его, то все страшно взволновались и не могли лежать смирно. Только грохот выстрелов заставил их лечь снова.

Когда выстрелы стихли и послышался волчий вой, собаки поняли, что волки были от боли, досады и отчаяния. Было ясно, что опасность миновала. Люди спешно зарядили ружья и стали снова стрелять в оставшихся хищников.

Собаки так расхрабрились, что готовы были броситься вперед, чтоб покончить с волками. Но люди опять удержали их, зажгли факелы и пошли вперед.

Когда стало очевидно, что со стороны волков опасности больше нет, собак наконец выпустили из лагеря. Нельсон ни за что не хотел приблизиться к волкам: он хорошо помнил, как попало ему от них когда-то. Молодые псы подкрадывались к ним, оцетинившись и злобно ворча. Взглянув, они отскакивали иногда прочь, пугаясь без причины, а потом снова начинали рычать и лаять.

— Ну, довольно, посмотрелись. Не тронут они теперь вас, идите спать. Живо! Марш! — И собак погнали обратно.

Гектор не мог заснуть, он был слишком взволнован. Делая вид, что дремлет, он исподтишка следил за тем, что делали люди. Им в эту ночь почти не пришлось отдохнуть. Они проворно сдирали с волков шкуры и скатывали их как можно туже.

К утру эти свертки замерзли как палки. Все индейцы получили по шкуре; самая большая по праву досталась Тому Гриву. В форте Гарри они продали их и на вырученные деньги накупили всякой всячины.

На следующее утро поднялись позже обычного, и все же весь день и собаки и люди чувствовали усталость от бессонной ночи. Не слышно было ни разговоров, ни смеха, ни шуток, ни лая.

Развлекло и людей и собак только одно маленькое приключение. Ехать пришлось снова по озеру. По обеим сторонам пути тянулись островки, густо поросшие лесом. Внезапно впереди саней хозяина из кустов выскочила черно-бурая лиса, взглянула на собак и поскакала галопом перед ними.

Собаки сразу забыли и усталость, и бессонницу, и тяжесть поклажи. Им во что бы то ни стало захотелось догнать лису. А она продолжала скакать впереди, словно дразня их. Потом круто обернулась, на секунду остановилась, таякнула и, переменив направление, скрылась в лесу.

— Лиса — пустяки, вот волков в этом году видимо-невидимо, — заговорили погонщики. — Как бы не отрыли они рыбу... Чем тогда на обратном пути собак кормить будем? На всякий случай придется запастись провизией в форте.

В эту ночь все спали мертвым сном. Проснувшись среди ночи, Гектор заметил, что его с головой занесло снегом. В испуге он начал лаять. Ему ответил Джек. Но оба решили не вставать, чтобы не обсыпать нагретой постели снегом.

К утру снег покрыл их больше, чем на два фута. Хорошо, что на крайнем севере он так пушист и легкий, что можно свободно дышать сквозь него. Мороз был сильный, и сверху снег не таял. Но как трудно было вставать... Едва собаки выкарабкались из-под снега, как снова погрузились в него до ушей.

— Не робейте, собаки! Прыгайте, прыгайте выше! Раскидывайте снег. Зато согреетесь! — кричал хозяин.

Погонщики разгребали снег лыжами, вместо лопат, и скоро расчистили порядочное место. Развели костер, и все пошло по-прежнему.

НОВЫЕ МЕСТА

На следующее утро едва они тронулись в путь, как попали в жестокий буран.

С поверхности озера катилось огромное густое облако снеговой пыли. Сильный ветер с севера поднял снег, выпавший за прошлую ночь, и с глухим ревом гнал его на караван. Пусть это был бы один только ветер, бушующий по гладкому льду, но на озере было больше двух футов пушистого мельчайшего снега. Вихрь поднял этот пух стеной и скатывал его в огромные шары. Непроницаемая стена и громадные комки скатанного снега неслись на поезд. На шаг вперед не было видно ни зги. А хозяин заставлял ехать дальше. Он находил, что опаснее остановиться на месте.

— Скоро поворот дороги, — говорил он, — ветер будет дуть нам в спину и нас подгонять.

Но такая пурга часто меняет направление; она погубила много обозов: закружила их и погребла навеки под снегом.

Состав поезда изменили. Повозку хозяина с вожакom Вояжером оставили впереди; остальные сани соединили по двое. Гектор вел Билли, Боксера и Бестера как-раз позади саней хозяина. Пары саней крепко связали друг с другом. Погонщики привязали к своим поясам веревки от следующих саней, чтобы не потеряться. Если бы задние сани рискнули отстать и отделиться хотя бы на несколько ярдов от остального обоза, их ждала неминуемая гибель.

Том Грив бежал рядом с Вояжером. Другим проводникам приходилось только не отставать и доверяться Тому и Вояжеру. Страшней и громче воя самых злобных волков ревел и визжал страшный буран.

Порою снег был так глубок, что собаки почти тонули в нем. Погонщики безжалостно гнали их вперед, понимая, что если они в молчаливом отчаянии покорятся своей участи, то погубят и себя и седоков.

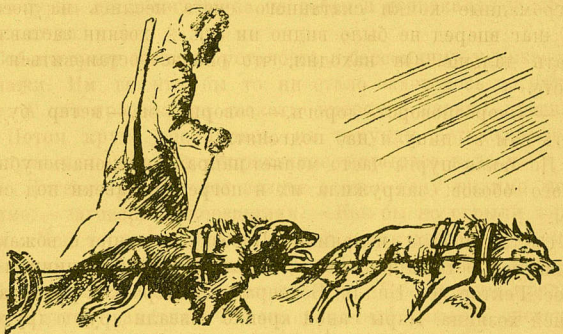
Собаки выбивались из сил, задыхаясь в снегу и надрываясь в хомутах. Они то-и-дело становились на задние лапы и беспомощно били передними по гудам снега, на

которые натыкались. Хозяин умудрялся поворачиваться в полуоборот к Гектору, протягивал к нему руку в меховой перчатке, и говорил:

— Ну-ну, Гектор, не унывай, авось выберемся.

В другое время Гектор обязательно повилял бы хвостом в ответ на ласку, но теперь было не до этого: надо было во что бы то ни стало, несмотря на усталость, бороться изо всех сил с глубоким снегом.

На счастье, буран истощил свою злобу до наступления ночи. Он сдул весь свежий снег с поверхности озера. Дорога очистилась, и собаки наконец перевели дух.

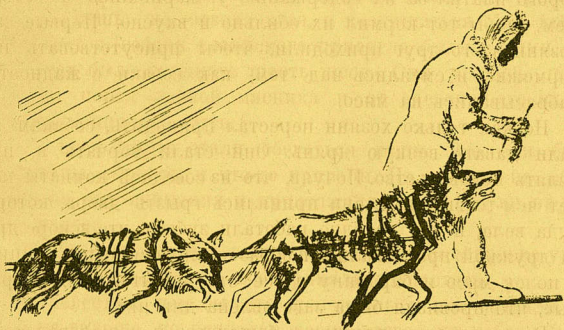

Вскоре Том Грив нашел место для привала. Люди были очень голодны, потому что во время метели нельзя было остановиться, чтобы поесть. Вокруг лагеря было много зайцев. Молодые псы бросились охотиться за ними, но догнать быstroногих скакунов не смогли: сил нехватило. Пришлось удовольствоваться по обыкновению одной рыбой.

От так называемых Ивовых островов Том опять повел поезд с озера в лес, и вскоре они очутились в таком месте, какого молодые неопытные собаки и представить себе не могли. Это было большое село. Собаки не знали, куда глядеть, когда попали в невиданную суету: там было так много белых людей и индейцев и по обе стороны стояли огромные вигвамы.

Каждую минуту собаки чего-нибудь пугались. Они дрожали всем телом при виде каждого незнакомого предмета и готовы были, поджав хвосты, бежать назад. Больше всего они напугались, когда увидели массу всевозможных саней, совсем не похожих на их сани. В них были впряжены огромные чудовища с короткой лоснящейся шерстью. У них были большие выпуклые глаза, и они высоко поднимали свои длинные ноги.

Собаки испугались настолько, что шарахнулись в сторону. Если бы волки были такой величины, как эти звери, то каждый из них мог бы заесть несколько собак.

Погонщики соскочили и стали их успокаивать, показывая, что лошади бегут мимо и нападать не собираются.

Проехав первое село, поезд въехал в другое, которое было еще больше и называлось Нижним фортом. Хозяина встретил здесь очень приветливо белый человек, которого называли мистер Флетт. Он повел его в большой дом, куда понесли и все пожитки.

Мистер Флетт отвел для собак удобное помещение, а проводников и погонщиков пригласили в другой дом. Как рады были собаки, очутившись опять под кровом и в тепле! Погонщики растопили сало и смазали им их окровавленные лапы. Потом обули в новые фланелевые башмаки.

Мистер Флетт обменял часть привезенной белорыбицы на мясо. Какое это было наслаждение, когда им дали на ужин мясную пищу!

Через три дня они были уже в Форте Гарри или Виннипеге. Джек и Кеффи были отосланы куда-то в гости, а остальные собаки отданы под надзор местному жителю, у которого оказалась пустая конюшня. После четырехсот миль пути собаки были совершенно разбиты, у них сильно болели лапы. Два первых дня они вели себя спокойно. Новизна всего окружающего возбуждала их, но и устрашала, и далеко от конюшни они уходить не решались.

Хозяину нужно было, чтобы они поправились, вошли в тело и набрались сил для обратного путешествия. Он дорого платил за их содержание, уговорившись со сторожем, чтобы тот кормил их обильно и вкусно. Первые дни хозяин и его друг приходили, чтобы присутствовать при кормежке, и смеялись над тем, как собаки с жадностью набрасывались на мясо.

Но как только хозяин перестал приходить, собакам начали давать всякую дрянь. Они стали ворчать и проявлять недовольство. Почувяв, что из соседней комнаты пахнет чем-то вкусным, они принялись грызть дверь, которая туда вела, и так усердно работали зубами, что вскоре друг за дружкой протискались в образовавшуюся дыру, стащили с полок мясо и баранину и все это уничтожили, уверенные, что провизия была заготовлена для них.

Владелец мяса пришел в бешенство и пожаловался хозяину собак, но тот ответил, что его собаки не стали бы воровать, если бы были сыты.

Когда собак стали пускать на прогулку, они завели знакомство с мальчиком-индейцем. Он их не боялся, играл с ними и дурачился. Они обрадовались, соскучившись без людей. Веселый шалун рассказал их хозяину всю правду о том, как скверно кормили собак в его отсутствие, и их в тот же день перевели в другое место, где им стало гораздо лучше.

Но после проделки с мясом в них вселился дух баловства. Эти рабочие псы привыкли интересоваться всем, что касалось хозяев; теперь же они не были заняты ничем. Кормили их хорошо, спали они сколько хотели и вскоре стали томиться страстным желанием вырваться на волю.

САМИ ПО СЕБЕ

Первая их выходка состояла в том, что все они умудрились вырваться из деревянного домика, в котором жили. Попрыгав и повертевшись от радости около своего жилища, они всей стаей отправились гулять по улицам. Первое, что их поразило и вызвало дикий восторг, была лавка мясника. В ней висели огромные куски говядины, баранины и всякого другого мяса. Зрелище было удивительное: тут было столько мяса, сколько они во всю жизнь не видали.

Как это было чудесно, как приятно было смотреть на эту роскошь, не отводя глаз, и восхищаться без конца! Разумеется, собаки хозяйского приятеля были с ними, так что всех было тридцать шесть псов. Они уселись полукругом перед лавкой мясника и от охватившего их восторга принялись вить.

Со всех сторон стали сбегаться люди. Все они были испуганы, сердиты и что-то кричали. Но собаки не обратили на них внимания и продолжали драть глотки на разные голоса.

Когда собравшаяся толпа увидела, что псы только увлечены своим концертом, все принялись хохотать.

Неизвестно, чем бы это кончилось и что затеяли бы собаки дальше, но владелец лавки позвал их хозяев, которые посмеялись вместе с собравшимися, окликнули собак по именам и увели их.

На другой день собаки снова умудрились вырваться на свободу, и так пошло каждый день. Они прогуливались по всем улицам, знакомясь с селом, а перед лавкой мясника обязательно задавали концерт, хотя уже и не такой продолжительный.

Ходили собаки все вместе; ни одна не отбивалась от общей стаи. Как только они показывались на улице, прохожие начинали кричать:

— Собаки из фактории идут! Вот они! Вот они!

Их окружали и шли за ними, забавляясь их проделками. Собаки совсем завладели селом.

Однажды, когда они высыпали на улицу, она была пуста. Не было ни единой души. Даже на лавке мясника

висел замок. Полюбоваться мясом и пропеть хором собакам не удалось. Бродя бесцельно по пустой улице, они почуяли, что здесь недавно прошли хозяева. Обнюхивая их следы, собаки стремительно побежали вперед к просторному высокому дому.

Дверь в дом была заперта, но тут появились несколько мальчиков, которые догадались, что собакам хочется попасть внутрь помещения. Они осторожно, бесшумно отворили дверь и проворно отбежали в сторону. Собаки устремились туда. Стараясь поскорее добраться до хозяев, они прыгали одна через другую. Трудно передать, что произошло, когда тридцать шесть веселых псов попали в помещение, которое оказалось церковью.

В дальнем конце просторной комнаты они увидали своих хозяев. Радость псов была так велика, что сперва они только их и видели. А между тем тут было много людей, и все сидели рядами, молча, степенно и чинно. Прыгая через всех, собаки кинулись в конец комнаты, где хозяева восседали отдельно на возвышении. С громким приветливым лаем все тридцать шесть псов, визжа от радости, стали крутиться вокруг них.

Произошло страшное смятение. Женщины взвизгивали, и некоторые из них падали, как мертвые. Мужчины кричали:

— Гоните их вон! Кто их впустил? Что за безобразие! Гоните их вон!

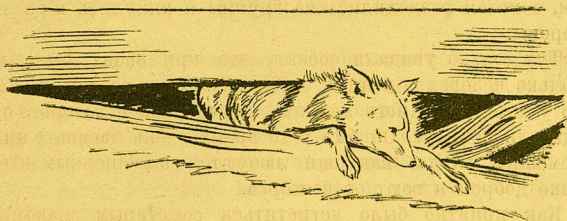
Кто-то попытался схватить одну из собак и вытолкнуть ее вон, но это ему не удалось.

— Идите лучше к доктору, — закричали ему, — он вам сделает перевязку! — И ему действительно пришлось уйти.

Только два человека могли выгнать собак: то были их хозяева. Они торопливо надели свои шубы, сошли с возвышения и подошли к ним. Хотя хозяева старались говорить строго, называя собак бездельниками, дармоедами и шалунами, но собаки понимали, что на них несколько не сердятся. Наконец их вывели из дома и водворили в их жилище.

Так проходили дни. Собаки чувствовали себя прекрасно. Новый сторож кормил их хорошо и был с ними ласков.

Его смущало только, что он никак не мог удержать собак в старом деревянном помещении: заколотит железным листом прогрызанную дыру, а они устроят себе лазейку там, где этого и предвидеть нельзя было. Долго он ломал себе голову, придумывая, как перехитрить собак, а они всякий раз находили новый способ вырваться на волю. Так ничего он и не добился.

Зубы у собак были здоровые, крепкие. Четыре десятка здоровых, сильных животных работали и зубами и лапами, добываясь свободы и томясь в бездействии. Где же было одному сторожу справиться с ними?

ПЕРЕХИТРИЛИ СТОРОЖА

Как-то ранним утром они сумели вышибить два коротких бревнышка из простенка между окон. Дыра образовалась большая. Собаки выскочили вон, убежали на соседний пустырь и принялись играть и катать друг друга по снегу.

Наигравшись, они отправились искать приключений по дороге, которая вела далеко за село.

Там неожиданно наткнулись они на большую стаю белых пушистых животных.

Молодым собакам таких странных созданий видеть еще не приходилось, они поджали хвосты и — ни с места. Те в свою очередь смотрели на них с не меньшим удивлением.

Старые собаки, побывавшие уже в путешествии, знали, что это — овцы, мясо которых и есть как-раз та самая вкусная

баранина, которую все они так любили. Бывалые псы знали также, что овцы очень кротки и боязливы: они не дерутся, как волки или медведи. Должно быть, этих овец гнали на убой.

Собаки ими очень заинтересовались и бросились к ним с громким лаем, чтобы рассмотреть их поближе и познакомиться с ними. Овцы шарахнулись от них прочь. Собаки принялись их догонять. Сначала овцы бежали всем стадом, а потом разделились на группы и кинулись в разные стороны.

Тут только увидали собаки, что при овцах было несколько человек и с ними собаки. В одном из людей Гектор узнал того самого мясника, перед лавкой которого они задавали концерт. Он был в то время очень ласков с ними и смеялся, глядя, как они любят вывешенным в его лавке добром и воют от восторга.

Как приятно было встретиться со старым знакомым! Собаки вообразили, что он тоже очень рад встрече, и, разгоняя овец, бросились к нему. Но мясник страшно рассердился и принялся ругаться. Собаки никак не могли подумать, что он сердит именно на них. Не понимая, в чем дело, они стали оглядываться и увидели, что его собаки гоняются за овцами, заставляя их бежать то туда, то сюда и даже покусывая их за ляжки.

Ну, конечно, он сердится на своих собак—решили наши приятели и, желая угодить мяснику и успокоить его, они переловили всех его собак одну за другой и такую задали им встряску и трепку, что у тех пропала всякая охота обижать ни в чем неповинных овец.

Радостно кинулась стая псов снова к мяснику: вот, мол, как мы здорово разделались с этими негодяями, долго помнить будут. Они были уверены, что теперь-то он наверняка будет ими доволен и приласкает их.

Но мясник рассердился еще больше, даже пригрозил им кулаком и наговорил еще более грубых слов. Потом он стал сзывать своих людей и, когда они сбежались, послал куда-то одного из них. Тот проворно убежал, а бедные собаки собрались на дороге. Не зная, что им предпринять и в чем они провинились, они поглядывали на мясника, который грозил им издали своей толстой палкой.

Неожиданно пришли хозяева.

Собаки вперегонку бросились к ним навстречу с ответственным лаем. Но дождались от них только строгого выговора. Оказалось, что вместо помощи они чуть не придушили сторожевых псов, которые старались собрать и успокоить овец.

В ССЫЛКЕ

Наконец своими выходками и проказами собаки навлекли на себя суровую немилость: их всех выгнали вон из Виннипега и сослали в дальний индейский поселок, где отдали на попечение индейских погонщиков.

Погонщики не очень-то были им рады. Они знали, что собаки могут натворить всяких бед и здесь, если только подвернется случай.

Выгнали же собак из Виннипега вот за что. Как ни следили за ними, как крепко их ни запирали, они все же умудрялись вырываться. Встретив однажды на улице человека, который нес баранью ногу, они весело бросились к нему — единственно для того, чтобы обнюхать это лакомство, не больше. Но тот не понял их мирного намерения, испугался, закричал на всю улицу и, швырнув на дорогу баранью ногу, побежал прочь с таким ужасом, будто встретил стаю волков, а не три десятка добрых псов.

Как только баранья нога упала на землю, каждой собаке захотелось поднять ее первой и отнести обратно владельцу. Штук пять псов глубоко запустили зубы в баранину, не желая уступать другим. Мясо было разодрано на куски и совершенно незаметно исчезло.

Лучше всех умел „носить поноску“ Бестер. Он брал ее осторожно, высоко запрокидывал голову и нес, помахивая хвостом, будто хотел сказать: „Полюбуйтесь, какой я вежливый и ловкий!“

Увидав, что владелец бараньей ноги идет назад и ведет с собой высокого полицейского, Бестер подхватил кость, на которой не осталось и признака мяса, и понес ее этим людям. Все собаки шли за Бестером, словно стараясь показать, что они принимают участие в подношении. Но полицейский

выхватил короткую палку и ударил Бестера. Бестер взвизгнул от боли, и хоть сделал он это негромко и всего только один раз, но было довольно и этого.

Во мгновение ока собачья стая опрокинула полицейского в снег и навалилась на него. Пока он стоял на ногах, он казался им высоким и сильным, но справились они с ним легко и принялись катать по снегу, как перышко, с боку на бок.

Он, бедняга, только и мог, что кричать: „Помогите, помогите!“

На его голос быстро собралась большая толпа народа. Пришли и хозяева. Они очень строго крикнули на собак, и те сразу поняли, что опять попали в немилость. А ведь они ничего плохого не сделали... Они только заступились за товарища и немного, да и то случайно, испортили шанку и шубу полицейского.

Вот за это их и выгнали из Виннипега, и вернулись они обратно только через несколько дней, но уже не для гульбы, а для тяжелой работы.

В индейском поселке, куда их выселили, с ними обращались хорошо и давали много говядины, но баранины они уж больше не получали. Погонщики наняли старую пустую индейскую избушку и почти доверху наполнили ее сеном. Спать там было прекрасно, но собаки уже привыкли вырываться из дому и рыскать где угодно. Теперь

же их заперли крепко-накрепко. Конец их веселым похождениям!

Собаки отлично понимали, что погонщики не будут так терпеливы с ними, как хозяева. В поселке уже слышали кое-что про их шалости и с первого же дня постарались устроить строгий надзор за ними.

Однако Куна и несколько других псов, осматривая помещение, отодрали доски, которыми было забито окно. Но едва собаки вылезли наружу, как к ним подскочили двое погонщиков. В руках у них были длинные бичи, которыми они так их отстегали, что те взвыли от оскорбления и боли. Печально вползли они обратно в свое помещение, а погонщики принесли длинные гвозди и топор. Пока один из них держал фонарь, другой прочнее прежнего приколотил доски на старое место,

— Теперь крепко! — сказал один.

— Только это одно место и было ненадежно. Теперь уж они не вырвутся. Ручаюсь! — сказал другой.

Хотя они и сказали, что пойдут спать, но собаки держались настороже и были правы: вскоре погонщики вернулись и стали подслушивать у двери, угомонились ли собаки. Хитро было придумано, но на этот раз они ошиблись. Собаки сейчас же почували, что погонщики тут, и притворились, что крепко спят.

— Ладно, — шепнул один другому, и оба, стараясь не шуметь, ушли назад в свои маленькие хижинки напротив.

Когда огни погасли и наступила тишина, собаки поняли, что на несколько часов их во всяком случае оставили в покое. Они принялись бродить и вертеться по избе и скоро заметили, что несколько досок на полу не прибиты. Сено было навалено не только для удобства, но также и для того, чтобы прикрыть эти кое-как набросанные доски.

Собаки быстро взялись за дело. Сгребли сено в стору, захватили первую из досок и отвернули ее. Работа была нетрудная. Очень скоро несколько досок были отброшены, а под ними оказалась яма. В яме было очень темно, и собаки не решались ничего предпринять. Не зная, насколько она глубока, они только осторожно бродили по самому краю ее и заглядывали вниз. Вдруг Куна осту-

пился и исчез в яме. Хоть он и был известным трусом, но на этот раз даже не тявкнул, а принялся обнюхивать кругом весь погреб.

Наконец он наткнулся на старую дверь, прислоненную к стене. Сквозь щели он увидел, что дверь с наружной стороны не завалена землей. Сначала он попробовал оттащить ее зубами, но это ему не удавалось. В это время его товарищи по запряжке уже прыгнули к нему в яму. Дверь оказалась даже не прибитой и держалась крепко только потому, что примерзла снизу. Четыре собаки впились в нее своими острыми и крепкими зубами и в одну минуту распахнули ее. Все бесшумно и проворно повыскакали вон и выкарабкались на высокий снежный вал, который был вокруг избушки.

И вот все опять на воле, готовые на всякое дурачество. Рысью пронеслись они через все село и выбежали за околицу.

До рассвета оставалось еще много времени. Подурчившись немного, они помчались в небольшой лесок. Там горел костер; около него сидело несколько человек с двумя запряжками собак. Это была почта, которую везли из форта Александра в форт Гарри. Возчики отдыхали, чтобы выехать с рассветом.

Увидев, что это такие же путешественники, как и они, собаки не решились их тревожить. Они только пролаяли им дружеский привет. Усталые люди крепко снали, но лай их разбудил. Восемь собак, отдохавших около их ног, принялись сперва ворчать и собирались затеять драку, но, увидав, какая масса собак их окружила, поджали хвосты, выскочили из лагеря и понеслись в самую чащу леса.

Наши собаки тоже испугались, боясь, как бы сразу не вышло против их воли какого-нибудь недоразумения. Так же быстро, как ворвались в лагерь, они выскочили из него и убежали как ни в чем не бывало.

Несколько дней спустя в газетах описывался случай с двумя почтальонами. Рассказывалось, что они расположились на ночлег близ индейского поселка, а на них напала ночью огромная стая волков. Почтальоны сумели дать им такой отпор, что прогнали их всех, а сами остались невредимы.

Вернувшись после этого происшествия в поселок, собаки не знали, чем им заняться. Тут не было даже мясной лавки. От скуки они подняли возню между собой, жалея, что нельзя устроить никакой занимательной общей потехи. Однако их ожидало приключение.

СОБАКИ — ВСЕГДА СОБАКИ

Из самого большого дома к ним выскочили какие-то одичалые псы и бесстыдно залаяли, вызывая на драку.

Вся компания приняла вызов единодушно и охотно. Но после первой же схватки глупые псы поняли, что им придется плохо, и обратились в бегство, а собаки из фактории с громким лаем пустились их преследовать.

Чужим собакам некуда было скрыться. Они обежали дом, проскользнули между двух каких-то избушек, перебежали большой двор и ловко перепрыгнули через высокую загородку. Наши приятели не отставали, но так как прыгать не умели, то вскарабкались по забору и перевалились через него.

Двор, в который они попали, был полон невиданными крупными черными и до-смерти перепуганными животными. Собаки приняли их за медведей.

Псы, за которыми они гнались, не интересовались „медведями“. Они думали только о своем спасении и, быстро перебежав загон, скрылись под каким-то амбаром. Некоторые из стаи полезли за ними, а остальные мужественно ринулись в битву со страшными черными „медведями“. Были среди них псы, которым раньше приходилось драться с настоящими медведями, однако и они также вообразили, что это они самые и есть, только какой-то особенной породы, потому что пахли иначе.

Эти опытные вояки разделились попарно и принялись за медведей согласно всем правилам охоты. Все дело было в том, что надо было остерегаться ударов страшных передних лап, которыми медведь ломает и душит противника. Задние же лапы медведя чрезвычайно чувствительны, и он не может выносить, если их укусят или ушибут. Вступая в драку с медведем, собаки именно тем

и занимаются, что некоторые дразнят его издали спереди, а остальные впиваются в него сзади. Медведь быстро оборачивается назад, этим мгновенно пользуются передние псы и нападают на него в свою очередь.

К величайшему удивлению медведи, бывшие в загородке, вовсе не пожелали драться, а стали испускать такой визг, от которого стыла кровь в жилах. Собаки совершенно опешили и не могли притти в себя. Медведи обыкновенно фыркают — уф, вуф, вуф! — а тут такой резкий и пронзительный визг.

Собакам захотелось узнать, каждый ли из этих медведей способен визжать одинаково громко, и они стали прыгать вокруг них и подкусывать задние ноги черных чудовищ.

Оказалось, что каждый из них умел визжать, только иные громче, другие слабее.

Собакам это чрезвычайно понравилось. Они завели такую музыку, что, кажется, от нее облака на небе ходуном заходили. В это время вернулись остальные товарищи из-под амбара и, услышав, как оглушительно визжат эти животные, приняли участие в забаве. Если черные чудовища визжат так пронзительно в одиночку, то хор их должен получиться совершенно неслышанным.

С озадаченным видом, не принимая участия в игре, сидели те собаки, которым случалось драться с настоящим медведем. Они не сводили глаз с огромных черных зверей, склоняя головы то на один бок, то на другой и недоумевая, почему эти крупные животные так мало воинственны.

Игра была в полном разгаре. Собаки лаяли от восторга до хрипоты. Никогда не было им такого праздника. Густая снежная пыль стояла над загонем. Собаки лаяли, прыгали, кусались. „Медведи“ визжали и носились как угорелые, как вдруг в загон прыгнули двое погонщиков со своими ужасными бичами!

— Меджестимен, меджестимен (дрянь собаки)! — закричали они на них.

И тут же бессовестно принялись стегать их бичами. Они секли направо, налево, гоняли собак по загону, потом собрали всех в кучу, заставили перепрыгнуть через забор

и выбежать на дорогу. А сами забежали в дом надеть теплую одежду и погнали собак в их помещение.

Ну и бежали же теперь собаки... Подгонять их не приходилось. Погонщики хотели их вогнать через погреб, но они не послушались: пришлось будить оставшихся дома товарищей, чтобы отпереть дверь.

Собаки тотчас свернулись на сене самым невинным образом, а люди стали осматривать все здание и сейчас же заметили отвороченные доски. Тогда они принесли много гвоздей и надоели даже собакам, приколачивая эти несчастные доски. Когда они наконец кончили, один из них сказал:

— Надорвут же себе животы их хозяева, когда узнают, какие шукари эти хитрые каналы!

Индейцы вообще редко смеются, но и они расхохотались, когда один из них рассказал, как он проснулся от визга свиней и какой бал он застал в загородке.

Погонщики, пригнавшие собак домой, остались на некоторое время с теми двумя, которые жили в маленьких избушках. Несколько раз они приходили к собакам и, видя, что они сладко спят, ушли наконец к фермеру, хозяину больших черных боровов, с которыми собаки так славно позабавились.

Вечером, когда сторожа принесли собакам ужинать, они говорили про что-то, повидимому, очень для них интересное. После выяснилось, что их пригласили на вечеринку и почти на целый день. Они рассчитывали вернуться только завтра к вечерней кормежке.

Перед уходом люди решили зайти взглянуть на собак и проверить, все ли там в порядке. Собаки свернулись клубочком или растянулись во весь рост, кто как хотел, и приготовились спать. Только две — три, с самым тонким чутьем, дежурили у дверей, чтобы предупредить остальных в случае надобности.

Погонщики осмотрели все помещение и долго подозрительно вглядывались в собак, как-будто пытались угадать их намерения.

— Должно быть, они очень устали и не собираются драться со свиньями,—сказал один из них. Оба погонщика были одеты в суконную одежду с медными пуговицами,

ноги их были обмотаны тонким сукном, а мокасины расшиты шелками. Они собрались в гости.

Привешивая большой замок на дверь, один погонщик сказал:

— Боюсь, что мы напрасно уходим вдвоем, да еще на долгое время. Эти псы такие хитрые шельмы, что мне страшно оставлять их одних. А что если они перехитрят нас? Напроказят еще чего-нибудь, а расплачиваться за них придется нам.

— Что за вздор! — ответил другой. — Нигде ни одной щелочки нет. Выбраться им положительно невозможно.

Потом он засмеялся и прибавил:

— Идем, будь спокоен, ничего не случится.

Они ушли, и собаки слышали, как хрустел сухой снег под их мокасинами. Ночь была морозная и темная. Собаки проспали несколько часов, а затем приступили к исполнению плана, на который отважились бы немногие псы.

В помещении было окно, выходившее на те домики, где жили погонщики. Собаки смекнули, что это окно — наиболее слабое место избушки.

Было еще темно, когда все они завозились под окном. Сперва никто не решался рисковать. Но скоро смельчак нашелся. Трудно было предположить, что таким окажется трус Куна. Но это был именно он. Разбежавшись, чтобы набрать силы, он ударился лбом в окно и вышиб раму. Только и видно было, как взвился его пушистый хвост. Он залаял снаружи, заявляя, что он жив и что на улице все спокойно. Кинулись к окну и все остальные, отталкивая друг друга, чтобы выпрыгнуть поскорее. Когда почти половина собак повывскакала, в одном из домиков напротив зажгли огонь, и несколько лиц прижались к окну и смотрели, как собаки вылетали в окно. Но на улицу никто не вышел.

Собаки не остались в поселке, где уж не было ничего интересного, а отправились в Каменный форт. Куна довольно сильно порезал себе голову, кровь заливала его белую шерсть, но его товарищи по запряжке усердно ее слизывали.

Несколько собак тоже порезались о куски стекол, оставшихся в переплете. И их тоже приходилось лечить по-со-

бачьи. Это отняло довольно много времени. Наконец вся стая прибежала в Каменный форт, находившийся в нескольких милях от поселка. Было уже почти светло, когда они завидели стены форта.

Но радость была кратковременна. Они тут же попали в беду.

Ворота, в которые они въезжали раньше с своими хозяевами, оказались запертыми. Собаки оббежали кругом и нашли открытую калитку. Лишь только они бросились в нее, конечно, толкая друг друга, как с удовольствием увидели, что навстречу им идут люди, которых они встречали раньше.

Люди несли большие ведра, и собаки с радостным лаем бросились к ним. Те нисколько им не обрадовались, а заволновались и стали поднимать свои ведра вверх, точно не хотели показать, что там находится. Это возбудило в собаках любопытство и желание заглянуть в ведра. Они высоко подпрыгивали и цеплялись передними лапами за ведра. Разумеется ведра опрокинулись, люди кричали „меджестимен!“ и очень сердились.

Поднялась такая сумятица, как-будто на крепость напали враги. Люди шумели, кричали, бранились и наконец вызвали мистера Флетчера, главного начальника, а с ним вышли еще несколько джентльменов, называемых чиновниками.

Собаки их приветствовали с восторгом, но им не был рад решительно никто. Особенно ворчали несколько человек, которых звали шотландцами.

— Чорт бы побрал этих псов!—кричал один из них,—из-за их глупых проделок я останусь без молока и без каши!

Сам мистер Флетчер тоже рассердился, но ненадолго.

— Собаки всегда останутся собаками, говорит пословица. Их не переделаешь, — сказал он. — Я уверен, что они не хотели сделать нам неприятности. Что касается вашей каши, то у нас есть много мороженого молока. Не плачьте, кашу вам сварим.

Он позвал служащих, смеясь, потрепал собак, приказал запереть их в казенный бастион и дать им сена.

На следующее утро погонщики впрягли их в сани и поехали в Виннипег за поклажей, чтобы оттуда предпринять длинное обратное путешествие домой.

ИСТОРИЯ С ХЛЕБОМ

Собаки лихо влетели в Виннипег полным галопом. Весело позвякивали серебряные колокольчики, блестя на солнце. Индейцы-погонщики были разодеты в свое лучшее платье. Они щеголяли расшитыми шелком мокасинами из оленьей кожи; на головах их были шапки, украшенные крупным бисером; ноги от ступни до колена были ловко и плотно обтянуты суконными вышитыми обмотками.

— Едут, едут! Смотрите, вот они! — кричали со всех сторон, когда легкие сани быстро неслись по крепко убитым снежным улицам.

Вначале предполагалось не оставлять собак в Виннипеге даже на короткое время. Но компания Гудзонова залива только-что прислала хозяину фактории просьбу задержаться до получения важных пакетов, которые нужно было роздать при поездке на крайний север.

Когда собаки поняли, что они проведут здесь два или три дня, то пришли в несказанный восторг.

Один джентльмен по имени Мак Тавиш сказал другому:

— Послушайте, Синклер, запрягите в несгораемый шкаф тот ростбиф, который только-что вам прислал мясник; иначе эти псы съедят его раньше вас.

— Не беспокойтесь, мой ростбиф будет цел. А сэкономите ли вы баранью ногу, которую сейчас заказали на завтра?

— О,—засмеялся тот,—как только я увидел этих милых собачек, сейчас же добыл веревку футов в шестьдесят длиной. Я привяжу к ней железное ведро с крышкой, положу туда баранину и спущу в колодезь.

— Вряд ли это поможет, — ответили ему. — Смотрите, вон на того пса... Это — Цезарь. Он не один раз вытаскивал из озера целую сеть с рыбой. Советуем вам припрятать подалее конец вашей веревки.

Оба смеялись и поглядывали на собак. Народ толпой окружал их.

Вдруг закричали:

— Вот идут их хозяева!

Действительно, хозяева пришли поздороваться со своими собаками и, как всегда, были очень приветливы. Они начали с того, что внимательно осмотрели каждую собаку и остались довольны, найдя их в прекрасном состоянии. Это было очень важно перед таким длинным походом.

Собаки буйнили от восторга. Хозяева распорядились, чтобы погонщики как можно бдительней следили за ними и не выпускали их из виду. Их сейчас же заперли, дав на ужин и говядины и баранины. Обидно было только то, что ни одной собаке не удалось погулять хоть с полчаса на улице. А собакам прогулка перед сном необходима.

Погонщики во избежание новых неприятностей решили принести свои одеяла из заячьих шкур и спать вместе с ними.

Одни из собак забрались в дальний угол и улеглись вокруг шкур, принесенных погонщиками. Другие, в надежде как-нибудь да вырваться, улеглись спереди. В сумерки пришли люди и не поленились пересчитать собак. А те с удовольствием заметили, что некоторые из погонщиков были разодеты по-праздничному, значит, они куда-то собираются уйти. Собаки это отлично поняли, но не подали вида, что радуются этому обстоятельству, а только прислушивались подремывая. Перед тем, как уйти, расфранченные погонщики сказали тому, кто оставался с собаками:

— Не замыкай дверей, мы вернемся без всякого шума, и не придется тебя будить.

Собаки привалились к погонщику вплотную. Он согрелся и вскоре захрапел.

Нужно было не терять времени. Куна наловчился отворять двери еще в фактории, а тут она была на простой щеколде, к которой была привязана бечевка.

Он проворно и бесшумно подполз к двери, ухватил веревку зубами и отворил дверь лапой. Около дюжины собак выскочили вон, а дверь затворилась сама собой.

Несмотря на темноту, на улицах еще был народ. Собаки пошли к мясной лавке, но она была заперта, и там нечего было делать. Беспечно бродили они туда и сюда и не находили ничего интересного. Но вдруг навстречу пока-

зались сани, в них была запряжена одна лошадь, на которой музыкально и звонко звенели бубенчики.

Лошадь пробежала мимо собак, и они почуяли пленительный запах хлеба, который везли в казармы солдатам.

Собакам вдруг сильно захотелось хлеба. Вкус его они знали, потому что иногда им давали его для перемены пищи. И они бросились вслед за санями. Догнать их, вскочить и сдернуть покрывавшую хлебы полость было делом минуты.

Молодой возница перепугался и поднял крик. Потом схватил бич и принялся стегать собак изо всей силы. Те разъярились, и некоторые стали карабкаться через груды хлебов, чтобы задать ему трепку. Заметив это, парень на всем ходу спрыгнул с саней в снег.

Лошадь бежала очень быстро, и, когда она круто свернула за угол, собаки свалились с саней через головы, а вместе с ними полетел на дорогу с десятка хлебов. Вся стая накинута на них, но всего съесть им было не под силу, и, позабавившись вдоволь, собаки решили убраться под добру, по-здорову. Расположение деревни они знали прекрасно и через короткое время были уже дома. В окнах у хозяев было темно. Куна тихонько подполз к двери и прислушался. Погонщик громко храпел. Собаки влезли внутрь, дверь снова закрылась, и они повалились спать. Через несколько часов вернулись из гостей погонщики, проворно переоделись, пробрались к собакам и сказали:

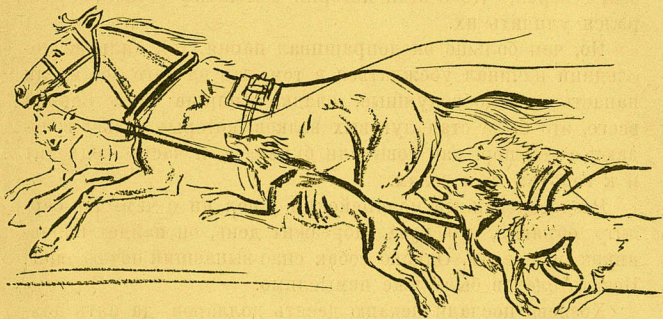
— Покуда все налицо, но скоро они выпяются и задумают шляться. Нам лучше лечь вплотную к двери.

Они привалили к дверям сена, закутались в свои меховые одежды и улеглись. Неизвестно, сколько времени прошло, но в высоких окошечках под крышей показался огонь, и раздались голоса, среди которых слышались и голоса хозяев. Некоторые из собак-гуляк проснулись и принялись злобно ворчать. Их грозное рычанье испугало шумевших за дверью, особенно полицейского, которого собаки изваляли когда-то в снегу и теперь узнали по голосу.

— Пройдите сперва к вашим дьяволам сами и успокойте их, — говорил полицейский хозяевам. — Я предпочту войти скорее ко львам, чем к этим собачкам.

— Если бы вы умели обращаться с собаками, то узнали бы, что они кротки, как овцы, — ответили ему хозяева и хотели отворить дверь. Но сделать этого они не могли, потому что лежавшие около двери погонщики, прогуляв всю ночь, спали теперь очень крепко.

Наконец удалось разбудить их. Совсем ошалелые, они выпустили хозяев и еще несколько человек, в том числе полицейского, и — к ужасу собак — того парня, который правил лошадью с хлебами. Пришлось добудиться и других погонщиков. Тогда полицейский обратился начальственным тоном к парню:

— Укажите тех собак, которые перепортили ваши хлебы и угнали лошадь.

Парень присмотрелся и заявил:

— Напали на меня собаки в самом конце улицы. Было очень темно, последний фонарь мы уже проехали, и я не мог разглядеть всех их как следует. Запомнил я только одну — совсем белую. Вон там беленькая лежит, ну точь-в-точь — она!

Он указал на Куну, который спал, нежно привалившись к погонщику, остававшемуся все время с собаками. Его разбудили последним, и он еще не пришел в себя, сидел среди собак и чистосердечно воображал, что Куна, так нежно прижимавшийся к нему, лежал тут с самого вечера. Он любил Куну, несмотря на то, что частые хитрости и дерзости этого ловкача выводили его порой из терпения. Он

страшно рассердился, когда услышал, что обвиняют в каких-то проделках как-раз этого благодушного пса. Он стал браниться, а бедный малый растерялся и начал извиняться:

— Видите ли, я сперва подумал, что на меня напали волки, но потом я увидел, что один зверь был совсем белый, а ведь мы все знаем, что белых волков не бывает. Этот белый был самый злой из всей стаи.

Хозяева не говорили почти ничего. Они осветили фонарями все помещение, и по их лицам видно было, что они не очень-то верят крепкому сну собак. Полицейский тоже был уверен, что в этой истории замешаны собаки, и старался уличить их.

Но, чем больше он допрашивал парня, тем сильнее последний начинал убеждаться в том, что на него не могли напасть эти добродушные, сладко спящие псы. Верней всего, это была стая луговых волков, которые сильно голодают с тех пор, как повывели буйволов, и часто подходят и к городам, и к селам.

Раздосадованный полицейский ушел ни с чем, но сердито объявил, что, чуть забрезжит день, он найдет виновников по следам. Однако собак спас выпавший ночью снег. Искать следов было уже немислимо.

Хозяева послали пекарю десять долларов да пять долларов перепуганному парню и решили никогда больше не брать этих собак с собой в Виннипег.

А через день двинулись в обратный путь.

150 =

